

Оленева Екатерина

ТАК СТАНОВЯТСЯ

звёздами

A romantic couple embracing in a snowy setting. The woman has long, flowing brown hair and is wearing a light blue, off-the-shoulder gown with white lace detailing. The man has long dark hair tied back and is wearing a dark, textured suit. They are standing in front of a large, ornate castle with multiple spires. Snowflakes are falling around them, creating a dreamy atmosphere.

Так становятся звёздами

Екатерина Оленева

Так становятся звёздами 1

«Автор»

2017

Оленева Е.

Так становятся звёздами 1 / Е. Оленева — «Автор», 2017 — (Так становятся звёздами)

Не желая стать пешкой в чужой игре, Гаитэ вынуждена выйти замуж за незаконнорождённого сына императора Саркасора Алонсо III. О Торне Фальконэ ходит плохая слава. С первых же дней знакомства с ним Гаитэ убеждается, насколько слухи правдивы, однако муж не единственное страшное чудовище, живущее в императорском логове. Настоящим испытанием стала необходимость противостоять запретной страсти к его брату, с каждым днём лишь сильнее укрепляющейся в её сердце.

© Оленева Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Екатерина Оленева

Так становятся звёздами 1

Глава 1

Шагнув за порог монастырской кельи Гаитэ замерла – навстречу ей выросла огромная фигура, на мгновение заслонив собой тусклый свет, едва пробивающийся из узкого оконца, утонувшего в толще каменных стен.

Не успела она испугаться, как воин, приветствуя, отвесил ей поклон.

– Граф Фэйрас? – узнала Гаитэ визитёра. – Какими судьбами? Что заставило вас нанести мне визит? Дома что-то случилось?

– Увы! Простите меня, сеньорита, но я принёс дурные вести.

Склонив голову, мужчина выдержал паузу, дожидаясь разрешения продолжить.

– Говорите, – потребовала Гаитэ.

– Сеньорита! Ваш дедушка и дяди убиты, а матушка попала в плен. Мы не теряем надежды на то, что, хотя бы ваш брат, юный лорд Рэйвдэйл, жив, но от него долгое время нет известий, так что подозреваем худшее – дом Рэйвов обескровлен.

– Это Фальконэ?

Вопрос был лишним, ответа на него не требовалось, он подразумевался сам собой.

Противостояние двух домов, Фэйлов и Рэйвов, длилось несколько десятилетий. В последнее время вражда обострилась настолько, что слухи о бесчинстве двух кланов, об их нечеловеческой жестокости по отношению друг к другу, доходили даже сюда, в уединённую обитель, надёжно запертую среди гор.

Мать Гаитэ прозвали Тигрицей.

Стелла Рэйвдэйл прославилась несгибаемым характером. Она вызывала неизменное восхищение тем, что так и не склонилась перед узурпатором Алансоном II, в то время как даже сильнейшие мужи Саркассора предпочли благоразумно капитулировать пред превосходящими силами противника.

Стелла презирала трусость. Стелла свято верила во Всевышнего и его благую справедливость. Согласно её убеждениям, те, кто обманом, подкупом, интригами, по трупам пробрались на трон – они не могли владеть им долго, ибо это несправедливо и не по-божески.

Согласно убеждениям Стеллы, чужаки Фальконэ подчинили себе страну лишь потому, что представители местной знати, презренные трусы, позволили себе продаться им.

Стелла собиралась исправить это недоразумение при первом удобном случае. А удобные случаи она устраивала с завидной регулярностью и с упорством, достойным лучшего применения. В результате чего гражданская война в стране не стихала.

Амбиции герцогини Рэйвдейлской простирались высоко. Она собиралась сесть на трон, претендуя на него по праву крови и рождения. Её убеждения в собственной правоте ничто не могло поколебать. Стелла Рэйвдейл не продавалась, не боялась, не покорялась, не смирялась, не преклоняла колен, не шла на компромиссы.

Гаитэ на собственной шкуре пришлось испытать всю несгибаемую принципиальность и железную непреклонность матери. Когда её дар впервые заявил о себе, герцогиня Рэйвдейл не колеблясь отдала дочь Ордену, чтобы Служители Духов огнём могли очистить её дочь от скверны. К счастью для Гаитэ, святые отцы предпочли не искоренять, а использовать дар, благодаря чему она и уцелела.

Орден Духов обучал, опекал, наставлял. Он стал для Гаитэ тем, чем отказалась быть семья. В итоге она пришла к мысли, что приобрела больше, чем потеряла. В монастыре её ува-

жали, ценили, любили. Здесь она была счастлива и пользовалась свободой, о которой у себя дома вряд ли могла мечтать.

Но о том, что мать отдала её на сожжение и никто из родственников не вступился, Гаитэ не забыла. Она заглушила в сердце ростки привязанности ко всем, кто был связан с ней узами крови. Семья – это не столько телесные, сколько духовные узы, а их между Рэйвдейлами не наблюдалось.

Новость о разгроме дома, безусловно, огорчила, но не сокрушила и не опустошила Гаитэ, как это непременно бы случилось при других обстоятельствах.

– Присядьте, граф Фейрас, – предложила гостю Гаитэ мягким голосом. – Примите мои соболезнования. Мне очень жаль слышать о горе, постигшем всех нас. Я скорблю.

Это было правдой – ей было жаль.

Да, Гаитэ видела дедушку от силы всего-то десять раз, из которых до разговора с внучкой он не опустился ни разу. Пусть всё, что Гаитэ могла вспомнить о нём, было то, что её дед помешанный на охоте старый сноб-маразматиком. Всё равно она предпочла бы услышать новости о его жизни, а не о смерти.

Дядьев вспомнить, увы, так и не получилось. Даже в их количестве у Гаитэ не было полной уверенности.

По-настоящему чувства задевало лишь известие об участии младшего брата. В ту пору, когда Гаитэ увезли из дома, Микки был беспомощным, ласковым ребёнком. Сейчас ему должно было быть около семнадцати, но представить его взрослым юношей не получалось. Перед внутренним взором упрямо вставал образ пятилетнего малыша.

– Как же случилось, что Рэйвы пали? – грустно спросила Гаитэ.

– Сезар Фальконэ захватил замок.

– И с каких это пор у Фальконэ появилась армия?

– Это шлюхино отродье удачно женился, в результате чего и заключил союз с королём Валькары, заполучив многотысячное войско.

– Многотысячное?... – удивлённым эхом выдохнула Гаитэ.

– Доносчики, шпионы для вашей матушки, не оправдали вложенных в них средств. По их сведениям, наёмники должны были прийти из столицы. К тому времени мы надеялись успеть подготовиться к осаде. Собирались сделать запасы всего необходимого: собрать каждую унцию зерна, всю птицу и скот в округе. Планировали запереть ворота, подготовить пушки к бою, расставить лучников у бойниц. Леса вокруг крепости должны были вырубить, – каждое дерево, каждый куст – все возможные укрытия, оставив перед стенами лишь чистое поле, что сделало бы нападавших отличной мишенью. Ваша матушка продумала всё!

«И какой в этом толк, если в результате проиграла?», – усмехнулась про себя Гаитэ.

Фейрас продолжал:

– Всё пошло не так, как мы планировали. Сезар привёл армию с границ Валькары. Ему удалось, прячась в лесу, подобраться к замку незамеченным, и осада началась внезапно. Нас окружили в тот момент, когда мы совершенно не были к этому готовы, – с болью в голосе рассказывал генерал. – Ударившая артиллерия посеяла среди людей панику, сломив их боевой дух. Внезапность нападения лишила нас провианта, мы не успели им полностью запастись. И считали это единственной опасностью. Толщина стен замка Рэйв – двенадцать футов. Никто и никогда не мог их проломить. Но Сезар – сам дьявол во плоти! – сделал невозможное. Под белым флагом переговоров он сам вызвался быть парламентёром. Пафосно заявил, что не желает воевать с тысячей безоружных людей, предпочитая, как мужчина, сражаться лишь с мужчинами. Мол, к чему подвергать опасности жизни женщин и детей? – говорил он. Не проще ли договориться миром? Требовал у вашей матери немедленно сложить оружие, и открыть ворота крепости. Взамен гарантировал жизнь всем без исключения.

Гаитэ скривилась, чувствуя, как рот наполняется полынной горечью. Она не сомневалась в том, каким был ответ Тигрицы.

– И что сделала матушка?

– Ваша неукротимая, храбрая матушка встретила ублюдка, держа стрелу арбалета на тетиве! Она сказала, что не склонит головы перед жютенскими развратниками, – с гордостью процитировал вояка, не скрывая восхищения госпожой. – И спустила стрелу с арбалета.

– Стреляла в парламентёра под белым флагом? – усомнилась Гаитэ во вменяемости матери.

Это было слишком даже для царственной герцогини.

– Не в него – всего лишь ему под ноги. А я в жизни не встречал лучника лучше герцогини. За всю мою жизнь она не промахивалась ни разу!

– Понятно. Что было потом?

– Потом негодяи стали шантажировать госпожу жизнью её сына. Они выволокли его к осадным башням, растянули на дыбе...

Сердце Гаитэ болезненно сжалось. Разумом она понимала, что пытали юношу, но воображение упрямо рисовало зарёванное личико пятилетнего малыша с пухлыми ручками.

– Сезар требовал от вашей матери немедленно сдаться на его милость, преклонить колени перед его отцом-императором в обмен на жизнь наследника Рэйвдейла. Но даже после того, как мальчику на глазах матери отрезали мизинец, герцогиня не дрогнула.

– Чего ж ей дрожать? – прошептала Гаитэ, задыхаясь от отвращения. – Пальцы-то не ей отрезали.

– «Твоего сына ждёт смерть из-за тебя! – кричал Сезар. – Так каков будет твой ответ?

– Никогда не преклоню колен перед тем, кого презираю, – ответила герцогиня. – Можешь убить моего сына, я могу родить ещё десятерых. Но честь у меня одна!

«Это твоё последнее слово?».

«Да», – ответила она непреклонно.

– И они убили моего брата?! – в ужасе сжала руки Гаитэ с такой силой, что хрустнули пальцы.

– Они увели его в лес, сеньорита, и больше никто из наших людей юного герцога не видел.

Гаитэ могла представить себе, что чувствовал Микки в тот момент. Когда-то её тоже поставили ниже чести, совести и долга. Может быть в чьих-то глазах подобные убеждения и заслуживают уважения, но лично для неё они равнозначны бездушному безразличию.

– Выходит, Тигрица пожертвовала тигрёнком ради замка? – холодно протянула Гаитэ. – Что было потом?

– Потом заговорили пушки. Они всё били и били, но не долетали до наших стен, изрядно всех веселя. Однако веселились мы, как скоро выяснилось, рано. Разрушив фундамент в том месте, где был подземный ход, враги заставили одну из башен рухнуть, как сложившийся карточный домик, погребая под собой людей и открывая врагу проход внутрь. Объявив общее построение, Фальконэ повёл своих людей в атаку. Кавалерия под его предводительством ворвалась во внутренний двор. Они выпрыгивали, как демоны, прямо из оседающей серой каменной пыли, что клубами металась повсюду. Они рубили, кололи всех, без разбора, кто попадался под руку: женщин, стариков и детей.

– Разгорячённые боем мужчины хуже дикого зверя, это известно всем, – кивнула Гаитэ. – Проще от голодного медведя дожидаться милосердия, чем от воина, обгравившего кровью меч. Матери следовало подумать об этом до того, как она потерпела поражение.

– Как вы можете такое говорить?! – возмутился воин.

– Простите, – скорее из вежливости, чем из чувства вины произнесла Гаитэ. – Продолжайте рассказ, прошу вас.

Она уже предчувствовала историю о героической смерти Тигрицы. Такой же яркой, красочной, величавой и неумолимой, какой была жизнь её матери должна была стать и её смерть.

– Резня и насилие продолжалось до тех пор, как подоспевший Сезар не приказал своим людям остановиться. Тогда ваша матушка шагнула на парапет донжона и прокричала, стоя над головами тысяч мужчин, с ужасом и восхищением наблюдающих за ней:

«Хотите меня? Возьмите! Можете стрелять из своих арбалетов и стрел! Я не боюсь!».

Я знал, что моя прекрасная герцогиня собирается сойти вниз. В последний раз. Это понял и Сезар.

«Не делайте глупостей, – прокричал он. – Я оставлю вам жизнь!».

«Но она мне больше не нужна», – со смехом откликнулась Стелла.

Гаитэ чувствовала, как биение сердце причиняет ей физическую боль.

Неужели после стольких лет она способна жалеть свою мать? Ведь всё правильно! Жизнь герцогини, женщины из камня, только так и могла оборваться, как длилась – легендой. Камень можно сокрушить, столкнув его в пропасть. Жизнь Стеллы Рэйвдейл должна была оборвать только сама Стелла Рэйвдейл.

– Она прыгнула?

– Не успела. Наёмники проклятого ублюдка-полукровки схватили госпожу.

Гаитэ сначала не поверила своим ушам, потом вспомнила – ну, конечно! Разговор начался с сообщения о том, что Тигрица Рэйвдейла попала в плен. Они проиграли Фальконэ по всем статьям. Замок пал, семья убита. И даже умереть, красиво выйдя из игры, им не позволили.

– Госпожу заставили обрядиться в одно из самых нарядных её платьев, заковали в золотые цепи и, посадив в клетку, обитую чёрным сатином, отправили в Жютен.

«Я укротил легенду», – хвастался Сезар Фальконэ.

– Теперь тюрьма стала замком вашей матери, – завершил рассказ её верный слуга.

Золотые цепи, золотая клетка, чёрное платье и чёрные султанчики? Пышные вышли поминки по амбициям неукротимой Тигрицы. Вкуса у Фалькане не отнять.

– Сеньорита? – напомнил о себе верный воин. – Простите мою дерзость, но ведь я приехал не только затем, чтобы сообщить о свалившемся на вас несчастье. Фальконэ считают, что победили нас, – продолжил он, – полагая, что никого из Рэйвдэйлов в живых не осталось; что в этой истории ими, наконец, поставлена точка. Они, как и многие другие, забыли о вашем существовании. Но вы есть! Вы – наша надежда. Последняя опора дома Рэйвов. Вы должны вернуться домой.

Пауза, следовавшая за этим, была такой же густой, как сумерки в комнате.

Близился вечер. Солнце садилось. Колокола обители звонили, собирая людей к молитве перед ужином. Жизнь для большинства продолжала идти привычным ходом.

– Я – должна? – глухим эхом откликнулась Гаитэ. – Что-то должна моей семье? Да разве?! Они все отреклись от меня словно от прокажённой. Хотя нормальные семьи и от прокажённых ведь не отрекаются? Прошло столько лет! Никто из них ни разу обо мне не вспомнил. К тому же, возможно, вам не известно? Но я уже не просто послушница – я приняла обет.

– Из любых правил есть исключения, – решительно возразил граф Фейрас. – Отец Ксантий подпишет буллу, позволяющую вам оставить Духовную Стезю и вернуться к мирской жизни. С учётом сложившихся обстоятельств это ваш долг.

– Чтобы вы тут не говорили, какие бы буллы не подписывали – я никуда не поеду! Не вам решать, ясно?

– Возможно, после аудиенции с отцом Ксантием, вы передумаете?

– Как погляжу, вы не теряли времени даром? Успели спеться с отцом Ксантием? А вы все отдаёте себе отчёт в том, что я вряд ли пожелаю заменить для вас мою мать?

– Буду питать надежду, что после разговора с отцом Ксантием вы измените решение. А пока доброй ночи, госпожа.

Гаитэ, не отвечая, вышла из кельи, с трудом сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверью. Чувства, кипевшие в её душе, вряд ли можно было назвать добрыми.

Стараясь остудить разгорячённую голову, она прижалась пылающим лбом к камням, успевшим за века накопить в себя немало отрезвляющего холода.

Слаб человек иначе он не был бы человеком. За десять лет дочь так и не нашла в себе силы простить мать. Обиженные люди всегда хотят воздаяния как высшей справедливости.

И вот, всё вроде бы случилось так, словно сама судьба лично писала сценарий: Гаитэ в Храм везли в серебряной клетке (считалось, что серебро ограничивает силу нечисти), а Стелла покатила в столицу в золотой; дочь всю дорогу испытывала страх перед костром, но и мать должна была не меньше дочери бояться неизвестности. Око за око? Да! Так почему Гаитэ не чувствует себя удовлетворённой?

Может быть, потому, что в глубине своего сердца она всегда хотела, чтобы мать пожалела о своём выборе и раскаялась? Не воздаяния желала Гаитэ, а примирения. А его так и не случилось.

А сердце, по-прежнему обливаясь кровью, жаждет любви. Словно не было всех этих лет, когда не раз и не два приходилось глядеть в глаза смерти, когда Гаитэ промывала кровоточащие язвы, к которым не решались прикоснуться другие, заживляла ожоги, сращивала кости, говорила с духами.

И вот, стоило появиться посланнику матери, как старые раны вновь начали кровоточить, превращая её в маленькую, раненную жестокостью самых близких людей, девочку.

После всего случившегося, неужели ей вот так просто взять и вернуться к мирской жизни? Что скрывать, было время, когда это являлось заветным желанием Гаитэ, но теперь перспектива шагнуть в водоворот людских страстей, амбиций и больших возможностей откровенно пугала.

Что ждало её там? Перспектива сделаться марионеткой в руках искусных кукловодов? Никому ведь нет дела до неё самой, всем нужен лишь повод возобновить войну с Фальконэ.

Гаитэ никогда не считала себя человеком большого ума. Признание своих умственных способностей как средних, нисколько её не огорчало, потому что амбициями своей матери она не грешила. Но и не нужно было иметь семь пядей во лбу, что осознать простую истину: желает того Гаитэ или не желает, покорится или нет, в покое её уже не оставят. Вынудят сначала вернуться в замок, потом объявят единственной законной наследницей, тем самым подвергнув сомнениям законность прав Фэйлов на земли Рейва, затем выдадут замуж за человека из партии, оппозиционной правящему дому.

А когда война в стране возобновится, сколько людей погибнут? Сколько вынуждены будут голодать? Останутся без крова? Потеряют близких? И всё ради чего? Будто клан Рэйвов сумеет управлять страной лучше Фальконэ? Да плевать ей на то, что они чужаки! Их политика объединения раздробленных земель под одно знамя вовсе не казалось такой уж ужасной – сжатый кулак всегда мощнее красиво растопыренных пальцев, даже если каждый из них в перстнях.

Там, где большинство людей видели доблесть и честь в поведении великой Тигрицы, Гаитэ мерещилось лишь упрямое и самолюбивое желание дорваться до власти. Кто знает, что ждало бы Саркассор, если бы дражайшие родственнички дотянулись до вождельного трона?

Кто бы не встал у руля, всё повторится. Что было, то и будет – стяжательство, жадность, глупость, разврат. Для низов не имеет большого значения кто из знати станет пить их кровь, а вот для знати, конечно, разница есть и большая.

На шахматной доске фигурки умело расставлены. Все ждали лишь её появления чтобы партия началась заново.

Всё вокруг казалось таким спокойным и умиротворённым. Заходящее солнце золотило многочисленные крыши из розовой черепицы, колоколенки, белые стены с темнеющими на них бойницами. Колокол продолжал звонить и колокольный звон лился над пустынными дворами и внутренними двориками, окружёнными галереями. В розоватом небе с пронзительным криком носились ласточки, на кучах навоза и соломы кудахтали куры.

Деревянные створки высоких монастырских ворот были ещё распахнуты, и пожилая монахиня в рясе из грубого коричневого сукна дремала рядом с ними на скамеечке. С последним ударом колокола она запрёт их на массивный металлический засов, отделяя зачарованную тихую обитель ото всего остального мира.

Стемнеет. За стенами обители примутся бросить волки, медведи и люди, что хуже тех и других, вместе взятых. И лишь здесь, за толстыми стенами, можно будет продолжать наслаждаться чувством безопасности, часто иллюзорном.

Но иногда цену имеют даже иллюзии.

Поднявшись на несколько ступенек по каменистой лестнице, Гаитэ пересекла узкий коридор, ведущий в общую трапезную. Стоило открыть дверь, как на неё обрушился шум голов. В очаге плясали яркие языки пламени, за большим столом, уставленном тарелками и медными кувшинами, собрались монашки. Однако присоединиться к ним Гаитэ не успела. Одна из иеромонахинь передала весть, что госпожа аббатиса незамедлительно ждёт её в ризнице.

По дороге, пересекая двор, она заметила великолепную карету с золочёными дверцами, упирающуюся оглоблями в землю. Охваченная смутным беспокойством, Гаитэ заглянула в конюшню. Лошади, жующее сено были породистые, каждая стоила состояние. Невозможно было не отметить, что такие рысаки, как и золочёная карета, слишком дорогое удовольствие для тайного посланника опальной герцогини Рэйвской.

Значит, в монастырь прибыл кто-то ещё?

Стараясь преодолеть сковывающий душу страх, Гаитэ вошла во мрак и прохладу ризницы. Бархатные ковры заглушали звуки шагов. Пахло густым ладаном.

В конце комнаты маячили две фигуры. В высокой измождённой женщине с мрачным лицом невозможно было не признать мать-настоятельницу, а красная мантия её собеседника не оставляла сомнений в том, что перед вами один из князей церкви.

Гаитэ собралась опуститься на колени, вопрошая благословения, но мужчина не позволил ей сделать этого, поспешно подхватив под локоть.

Он сам поцеловал ей руку, выражая этим жестом своё почтение.

– Прошу, сеньорита! Не вам, но мне в пору вставать на колени перед заслугами вашей многоуважаемой матушки.

С красивого, тщательно выбритого лица на Гаитэ глядели искрящиеся умом и энергией холодные голубые глаза – глаза жёсткого дельца и политика.

– Насколько мне известно, дочь моя, вы уже несколько лет пребываете в этой тихой обители? Посвятившие себя Богу и общению с Духами мало знают о мирских заботах.

Кардинал задумчиво потёр ладони.

Он медлил, подбирая правильные слова. Голос выдавал его растерянность, которую не могли скрыть ни величественная осанка, ни нарочито прямой взгляд.

– Однако кое-что должно стать вам известным.

– Вы хотите поведать о печальной участи, постигнувшей мою семью? – предвосхитила его слова Гаитэ.

– Вы знаете? – с облегчением выдохнул мужчина.

– Слуга матери принёс это печальное известие буквально пару часов назад.

По лицу матери-настоятельницы мелькнула тень. Складка тонких губ дрогнула, но что означала эта мимическая игра Гаитэ понять не успела.

Кардинал вздохнул:

– Тем лучше, что вы в курсе дел, дочь моя. Тем лучше. Вы должны понять, что я прибыл сюда издали не из праздности или желания перемен. Ваша мать сейчас не в состоянии заботиться о вас, а вам как никогда потребуется отеческая поддержка.

Гаитэ перехватила короткий и быстрый, как молния, взгляд аббатисы.

За всё это время та не проронила ни слова, в глубоком молчании перебирая чётки. Их мерное постукивание эхом отдавалось где-то в глубине черноты, окутывающей помещение.

– Ни для кого не секрет, дитя моё, что род Рэйвов одна из древнейших кровных линий Саркасора. Он столь могущественен, что имеет право предъявить претензии на императорский трон, – задумчиво поглаживая подбородок, протянул отец Ксантий. – Ваша матушка поступила крайне опрометчиво, пытаясь запереть вас здесь, в то время, как ваше происхождение делают вас невестой, достойной претендовать на руку и сердце благороднейших принцев или даже королей. Словом, вам не место в церкви, дитя моё. Вы должны вернуться в Рэйвдэйл.

– Но разве замок не разрушен?

– Нет таких стен, которые нельзя было бы отстроить заново, – невозмутимо парировал кардинал, вновь устремляя на Гаитэ взгляд своих слишком ясных, холодных, как сталь глаз.

Гаитэ почувствовала, как ей становится трудно дышать.

– Святой Отец, но я ведь приняла обет!

– Орден обладает широтой взглядов и умеет правильно расставлять приоритеты. В данном случае ваш союз с Духами будет расторгнут ради союза с человеком. Скажу больше: церковь благословляет праведную месть. Вы отомстите за вашу мать и, с божьей помощью, сбросите с трона проклятых Фальконэ. У вас есть для этого всё необходимое – сильные друзья и союзники, о которых вы даже не подозреваете, но которые молятся о вас ежечасно. Ну а пока вы вернётесь в ваш замок вместе с вашим слугой и будете дожидаться дальнейших указаний.

Гаитэ надеялась, что мать-настоятельница хоть слово скажет в её защиту, но та упрямо молчала, продолжая перебирать чётки. Видимо, страх перед кардиналом был сильнее чувства долга и справедливости.

Итак, выбор небогатый: подчиниться и стать поводом вновь посеять смуту в стране. В итоге её либо убьют Фальконэ, не отличающиеся щепетильностью и мягкосердечием, либо посадят на трон Саркассора, предварительно выдав замуж за какого-нибудь принца. А если откажется во всём этом участвовать – сожгут как ведьму. Но это крайний случай.

Из всех сил стараясь не смотреть на прелата, на его вытянувшиеся в притворной улыбке губы, чтобы он, не дай бог, не прочёл в её взгляде горячей ненависти, Гаитэ холодно кивнула:

– Я уступаю, ваше преосвященство, потому что не имею возможности вам противостоять.

– Прекрасно, – кивнул отец Ксантий. – Возвращайтесь в вашу келью. Спокойно отдохните до утра, а завтра – в дорогу.

Добавить к сказанному было нечего, так что Гаитэ покорно сделала то, что велели – вернулась к себе, в свою келью.

Десять лет эта комната служила ей верным пристанищем, была единственным местом, где можно было остаться наедине с собой. Небольшая, с голыми стенами и с низким ложем в углу, застеленным плоским тюфяком. Постелью дочери герцогини Рэйвской все эти годы служило тонкое одеяло да грубая простыня.

В тёплое время года здесь веяло приятной прохладой. Стоило распахнуть ставень, комната наполнялась влажными запахами ночного леса, мха и грибов. Зимой же здесь царил ужасный холод, согреться было невозможно. Оставалось только мечтать о весне.

И всё же здесь Гаитэ была – нет, не то чтобы счастлива? Здесь она познала мир и покой, целебную силу смирения перед тем, что изменить не в силах.

Она смогла преодолеть бедность, недостаток вкусной еды и холод. Но со сценарием, делающей её марионеткой в руках грязных игроков, она мириться не хотела.

В голове складывались планы, один безумней другого. Несмотря на усталость, спать совсем не хотелось.

– Что же делать? Что же мне делать? – нервно бормотала она, ходя в проходку от стенки к стенке.

В матери-настоятельнице Гаитэ всё же ошиблась. Та вовсе не была равнодушна к её судьбе, просто не хотела привлекать к себе внимание могущественного кардинала. Не столько из трусости, сколько из осторожности. Не следует демонстрировать противнику силу, если есть возможность её скрыть.

Незадолго до полуночи в дверь постучали:

– Гаитэ, ты спишь?

– Нет.

– Открой, это я!

При виде старшей наставницы, долгие года заменяющей ей мать, Гаитэ едва не прослезилась.

– Если бы ты знала, дитя моё, как я переживала во время вашего разговора с его преосвященством! – тяжело дыша после подъёма по лестницы вымолвила игуменья. – У меня не было ни малейшей возможности подготовить тебя к этой встрече. Беда пришла слишком неожиданно.

– Полагаю, дело о моём возвращении к мирской жизни уже решено? – нервно сцепила руки Гаитэ.

– Не сомневайся в этом. Отец Ксантий, как всем нам хорошо известно, человек дальновидный. В его голове всегда теснится множество планов. Например, прибрать к своим захваченным ручкам как можно больше земель, власти и богатства. А земли Рэйвов лакомый кусок. И теперь, когда твоя мать и брат практически выбыли из игры, доступ к желаемому до смешного прост. Всего-то и нужно выгодно выдать тебя замуж. Уверена, он станет настаивать на твоём браке с его племянником, графом Лораном. Отец Ксантий и раньше пытался повлиять на Стеллу Рэйв, надеясь, что та разрешит тебе покинуть монастырь, но герцогиня не могла не понимать, что племянник будет лишь послушной марионеткой в дядиных руках, и тебя ждёт та же участь. Поэтому была непреклонна.

– Не тратьте времени на разъяснения того, что и так очевидно, матушка. У вас есть план, как помешать его замыслам?

– Да, но они столь радикальны, что пугают меня саму. Прости, дитя, за предложение, что я сейчас сделаю, но, учитывая все обстоятельства, я не вижу другого выхода. Раз тебе всё равно не суждено стать одной из Духовных Сестёр, а твоя семья нуждается в помощи, значит, тебе придётся помочь матери вырваться из когтей Фальконэ.

Голос матери-настоятельницы утратил привычную твёрдость. Он был полон печали и слегка дрожал, что было ей совершенно несвойственно.

– Не думаю, что это в моей власти, – возразила Гаитэ. – Да я и не уверена, что хочу помогать ей.

– Не хочешь спасти мать от смерти? – возмутилась наставница. – Это немилосердно. В любом случае, жизнь твоей матери – это гарантия твоей собственной безопасности. За Стеллой Рэйв стоит реальная сила, способная сдержать таких, как отец Ксантий. Небо свидетель, я хотела для тебя иной судьбы, но всё складывается так, как складывается! А складывается оно не в нашу пользу.

– Расскажите ваш план, – сухо молвила Гаитэ.

– Сядь. И выслушай, прежде чем со мной пререкаться.

Гаитэ села.

– Я отдаю себе отчёт в том, что Фальконэ не святые и что они узурпировали власть. Но я также не могу не отдать им должное – собирая земли Саркасора под одни знамёна, они спо-

собствуют централизации государства, укрепляют его. Бесконечные войны из-за вечно враждующей между собой знати разорили людей, обескровили земли. Твёрдая централизованная власть может дать передышку всем!

Гаитэ молчала. Сказать ей было нечего. В политике она разбиралась гораздо хуже, чем в хворях и лекарствах.

– У Фальконэ есть реальная власть, но у них нет на неё древнего права рождения. Они – чужаки. И это даёт возможность таким, как отец Ксантий, постоянно раскачивать лодку, размахивая перед их носом генеалогическим древом со священным правом престолонаследования.

Гаитэ сокрушённо вздохнула. Она начала понимать, куда клонит её суровая, но мудрая наставница.

– У тебя это право есть. Ты – законнорождённая и, как единственная наследница Рэйвов можешь передать право на престол и корону своим детям. Твой сын сможет легитимно носить корону Саркасора. Вот тот козырь, на которой Фальконэ вполне могут повестись. Ты выступишь в роли наживки и подцепишь их на крючок.

– Чем жениться на мне, не проще ли меня убить? – со злым сарказмом поинтересовалась Гаитэ.

– Зачем убивать, если можно использовать? У Алансона, как известно, два незаконнорожденных сына.

– Сезар, как я слышала, недавно женился? А про Торна – вы ведь это не серьёзно? – с тихим стоном проговорила Гаитэ. – Мерзкий, трусливый развратник, алкоголик и сифилитик? Вы не имеете морального права требовать от меня согласиться на брак с ним.

– Дорогая моя, если кто-то и способен справиться с последствиями избыточной любви – это ты. Учти, я в курсе, что ты лечила парней от подобных хворей. И знаю, что, в отличие от жертв докторов, *твои* пациенты не только выживали, но даже имели наследников.

– Можно лечить болезнь, как следствие. Но причину, сидящую в голове, а не в чреслах, вылечить никому не под силу. Я не стану даже думать о браке с этим гнилым, в прямом и переносном смысле, человеке.

– Жертва лёгкой не бывает, – отрезала мать-настоятельница.

– А с какой радости я должна жертвовать собой ради матери, которая меня бросила?!

– Много ли ты знаешь о своей матери, дитя, чтобы судить её? – непривычно рыкнула в ответ мать-настоятельница. – Ты можешь мне сейчас не поверить, но Стелла многое делала лишь для того, чтобы защитить свою семью. Ноша её была тяжела. С такой не каждый мужчина-то справится.

– Какое мне до этого дело? Я не могла ей помочь. Да она и не желала моей помощи!

– Она заботилась о тебе, как умела! У женщины в мире мужчин связаны руки. Привести тебя сюда, к нам, уже было благом. Думаешь, останься ты с твоим даром рядом с дядями да дедом, прожила бы долго? А здесь мы сделали всё возможное, чтобы научить тебя управлять им. Здесь ты была в безопасности от посягательств мужчин, жадных до всего необычного. Здесь ты могла бы прожить всю жизнь, не зная страстей... если бы не последние события.

– Моя мать пыталась меня защитить? Хотите сказать, она не отрекалась от меня?

– Нет!

– И я должна в это поверить?

– Правда не перестаёт быть правдой оттого, что ты в неё не веришь. Она существует сама по себе, вне зависимости от наших убеждений.

– Вы просто хотите заставить меня поступить по– вашему, – насупилась Гаитэ.

– Я слишком хорошо знаю тебя, дорогое моё дитя, чтобы сомневаться в том, что ты поступишь правильно, так, как должна и так, как будет лучше для всех, включая тебя саму.

– Ну, конечно! Что же может быть на свете лучше, чем стать женой Торна Фальконэ?! – истерично засмеялась Гаитэ, стряхивая с ресниц наворачивающиеся на глаза слёзы. – Одно

утешает, что даже если я на такое и пойду, он сам ни за что не согласится. Этот высокомерный, заносчивый индюк не женится на монастырской простушке, будь она хоть трижды королевский кровей. А во мне-то и осьмушки не насчитывается.

– К одной цели можно прийти разными путями. Да, в последнее время Торн Фальконэ совсем слетел с катушек, потому что знает – дни его сочтены. И он и в курсе, сколь неприятным способом ему придётся их закончить. Последствия лечения ртутью ведь приятными не назовёшь? А ты предложишь ему альтернативное лечение с гарантированным результатом. Возможно, что и сумеешь надеть поводок на это чудовище?

– А возможно, что и нет!

Мать-настоятельница тяжело вздохнула:

– Если Торн не захочет спасения, ты не сможешь его спасти. Но муки сократить можно разными способами, облегчив их. Или сократив время, на них отпущенное.

Гаитэ ушам своим не поверила:

– Вы предлагаете мне отравить моего возможного будущего мужа? Я не ослышалась?

– О! Надеюсь, на такие меры идти всё же не придётся. Я верю, ты найдёшь способ мирно сосуществовать с Фальконэ. Ну а пока не стоит так далеко заглядывать вперёд. Сейчас твоя главная забота – встретиться в Алонсо, предложить ему сделку: свадьбу в обмен на жизнь твоей матери. Если повезёт, сможем одним выстрелом убить двух зайцев. И, как по мне, куда лучше быть снохой Алонсо II, чем отца Ксантия.

Гаитэ откинула голову, устало прикрывая глаза:

– Итак, подытожим наш разговор? Вы предлагаете мне добровольно отдаться заносчивому сифилитику, помешенному на поединках и шлюхах? Человеку, не погнушавшемуся, если верить слухам, обесчестить невесту своего кузена прямо на его свадьбе, пока та из-за ширмы вела разговоры с готовящимся к брачной ночи, супругом. Вы полагаете, мой долг воспользоваться шансом и породниться с человеком, пытавшим и, вероятнее всего, убившим моего брата на глазах у моей матери? Стать женой насильника, распутника и бритёра? Даже его родные предпочитают держаться от Торна подальше, опасаясь его диких выходок. А я, в здравом уме и трезвой памяти, поступлю прямо противоположно?

– Можно надеяться, что слухи, как обычно, преувеличивают недостатки молодого человека.

Судя по тону, мать-настоятельница и сама-то не слишком верила в такой благополучный исход.

Любая сказка заканчивается свадьбой. И на свадьбе невеста всегда в белом. Но белый – это цвет смерти и добавить к вышесказанному нечего.

Торн?

Закрыв глаза, Гиэтэ попробовала вызвать в памяти его образ. Вспомнить братьев Фальконэ оказалось делом несложным. Яркие личности западают в память.

Братья не желали являться по одиночке. Они и в памяти возникли будто в связке: Торн в алом дуплете, Сезар – в чёрном. Оба темноволосые, ясноглазые. Только у Торна глаза жёлтые как у тигра, словно янтарные, а у Сезара – чёрные.

Они были разными и в то же время похожими. Торн – выше и плечистей, Сезар чуть ниже ростом и изящней. Старший брат взрывной и вспыльчивый, младший – остроумный и коварный. Торн мог потягаться силой и мощью со львом, в то время как Сезар напоминал серебристую кобру. Но оба брата были в равной степени порочны и смертоносны; хитры, как лисы и жестоки, как кровожадные гиены.

Что там было написано на фамильном гербе Фальконэ? «Возьмём любую высоту»? Им бы, по мнению Гаитэ, куда больше подошло изречение: «Беру, что нравится».

Что ж? Оказаться в эпицентре интриг и ярких событий перспектива одновременно и пугающая, и (что душой перед самой собой-то кривить) привлекательная.

Гаэтэ готовила себя к решению трудных жизненных задач ради служения людям.
Но разве обуздать неукротимый нрав Фальконэ не менее трудный и интересный вызов?

Глава 2

Поездка в Жютен не была мучительной. Если исключить бесконечную тряску, путешествовать Гаитэ даже понравилось.

Как только монастырские ворота распахнулись, она сразу ощутила себя птицей, сумевшей, наконец, расправить крылья и полететь, с жадным любопытством взирая на окружающий мир, от которого её так долго огораживали.

День выдался лёгкий и прохладный.

Поначалу лес встретил их сверкающим, отливающим в золото, кружевом берёз и клёнов, но, чем дальше они углублялись, тем он становился сумрачнее и гуще, дыша сыростью. Деревья росли ярусами, плотно, сражаясь друг с другом за свободное пространство. Мимолётные солнечные зайчики, залетающие в густой зелёный тоннель, шаловливо прыгали с листка на листок. Ветер трогал ветки, стряхивая солнечные блики на растущий у их подножия папоротник, превращая его в чарующие, мигающие миллионами крохотных глазков, блики. Высоко над головами нахально стучали клювом красногловые дятлы, подозрительно кося на незвано вторгшихся пришельцев чёрными глазами-бусинками.

Сердце и душа Гаитэ наполнялись священным трепетом: всё вокруг так кипело жизнью, цвело, благоухало и распускалось насыщенными красками! Трудно было себе представить день, выглядевший счастливее этого.

Гаятэ в ноябре минуло двадцать. Саму себя она считала слишком взрослой, слишком серьёзной для всякой любовной чепухи. Но всё же она была рождена женщиной, и, как не подавляй естественные порывы, с природой и с жизнью трудно спорить. Против воли душа наполнялась неопределённым желанием, заставляющим вздрагивать от предвкушения чего-то волнительного и сладкого.

Гаитэ не доверяла любви. Она воспринимала её как всепоглощающий, лучезарный, пьянящий и одновременно с тем порабащающий ум и сердце недуг – недуг, которого следует избегать любой ценой.

Очень сложно совместить в себе веления сердца, требования рассудка и элементарную человеческую порядочность.

«Любовь и страсть родные сёстры, но любовь отличается от страсти так же сильно, как день от ночи, лёд от пламени, а верх от низа, – наставляла их когда-то мать-настоятельница. – Любовь – чувство возвышенное; страсть же низменна. Любовь, как цветок распускается в сердце нашем, в то время как страсть, будто камнями, наполняет похотью чресла. Любовь дарит крылья, любовь возводит человека до ангелов; страсть – порабащает, превращая в суетливого нечистого беса, готового на всё, лишь бы получить свою долю удовольствия, невзирая на цену. Любовь заставляет нас желать счастья любимому, а страсть желает улады лишь для себя. Любовь – источник вдохновения и жизни; страсть ведёт к болезням, моральному разложению и стыду. Любовь – дар божий; страсть – дьявольское искушение».

Лес, хоть и казался бесконечным, всё же имел границы. Ближе к закату они из него выбрались, что, безусловно, было только к лучшему, учитывая, что погода резко испортилась. Некстати начался дождь, грозя размывать и без того далёкую от совершенства, дорогу.

Вместо того, чтобы въехать в ближайшую деревню, граф Фейрас за сотню шагов от её первых садов приказал свернуть.

Полеми они направились к одиноко стоявшему домику.

– Куда мы едем? – забеспокоилась Гаитэ.

– Послушайте, сеньорита, я от всего сердца надеюсь, что вы унаследовали способность вашей матушки мыслить разумно? Посудите сами, можем ли мы, убегая одновременно и от

слуг отца Ксантия и стараясь оставаться незамеченными для слуг Фальконэ, остановиться на обычном постоялом дворе посреди деревни?

– Почему нет? У нас что, на лбу написано, кто мы такие? Впрочем, поступайте, как знаете. Мне всё равно.

В домике их ждали. Комнаты подготовили. Постели застелили самыми мягкими простынями, на которых Гаитэ только приходилось спать. В очаге развели огонь.

– Ваша спальня, сеньорита. А я жду дальнейших указаний.

Из-за дождя, размывшего дороги, в домике пришлось провести на день дольше, чем планировалось, но ближе к вечеру, когда Гаитэ вознамерилась уже отойти ко сну, был отдан приказ двигаться дальше. Впрочем, пребывая в лёгкой дреме, она даже легче перенесла путь.

К рассвету миновали около пятидесяти милей.

Вторая остановка походила на первую, а третья на вторую. Граф Фейрас позаботился, чтобы Гаитэ не страдала в пути ни от усталости, ни от холода. Повсюду их встречали с почётом и уважением, повсюду изо всех сил старались услужить, к чему Гаитэ пока не привыкла, но ей это, безусловно, нравилось.

К вечеру седьмого дня пути с вершины холма она заметила огромное скопление домов. Это был Жютен.

Молодую женщину поразила и арка огромных городских ворот, и размеры зданий, следующий за ними. Пришлось дважды переправиться через реку по двум мостам, повернуть налево и, минут через десять, они въехали на большую площадь.

От двери одного дома отделился человек и поклонился им:

– Прошу вас, сюда!

Граф Фейрас одобряюще улыбнулся утомлённой Гаитэ:

– Прибыли, сеньорита.

Стоявший на ступеньках светильник освещал лестницу. Поднявшись, они вышли в коридор с тремя распахнутыми дверями, за одной из которых оказалась столовая, где ярко полыхал огонь и поджидал накрытый ужин.

– Этот дом принадлежит моей семье? – поинтересовалась Гаитэ.

– Нет, сеньорита, это просто дом. Если вы хотите оставаться инкогнито, будет лучше, если о вашем присутствии в городе никто не узнает.

– Верно, – согласилась она. – Есть какие-нибудь новости?

– Новости? Откуда и о ком?

– О моей матери – прежде всего. И о Фальконэ. Нужно придумать, как удобнее всего получить императорскую аудиенцию, не раскрывая себя раньше времени.

– Думаю, встретиться будет не сложно, ведь скоро состоится свадьба императорской дочери и принца Конэ Киэнчи. Приглашена вся высшая знать.

– Но не я, – огорчённо пожала плечами Гаитэ.

– Осмелюсь доложить, что один из ваших дальних родственников, кардинал Каломэн, сумеет достать приглашение.

– Что ж? – улыбнулась Гаитэ. – Остаётся лишь решить извечный женский вопрос – что надеть?

Город словно замер в предвкушении свадьбы. По случаю столь знаменательного события толпы провинциалов наводили столицу и уже начали проявлять нетерпение – приезд принца из Веаполя всё оттягивался.

В толпе вокруг лавчонок, которая никогда не редела, рождались язвительные песенки, стихи, пасквилы и памфлеты о том, что никто не желает брать в жёны потрепанную девку из проклятого рода Фальконэ, которая, в ожидании достойного жениха сумела пожить с обоими венценосными братьями, да оба надоели.

Пробегая глазами по замусоленному листку, всунутому в руку за полмонеты, Гаитэ не знала, смеяться ли ей над грубо и остроумно сплетёнными фразами или возмущаться ими? Как не знала, стоит ли верить написанному или принять как грязную сплетню?

Заметив в её руке одну из грязных писулек, граф Фейрас, побагровев лицом, с проворством, которого Гаитэ от него никак не ожидала, вырвал листок, скомкал и выбросил:

– Какой стыд, госпожа! Как вы осмелились принести в дом такую гадость? Где вы это взяли?

– Купила у какого-то голодного писаки на Базарной площади. Он просто сунул мне бумажку в руки и нагло потребовал деньги. Я не осмелилась отказать.

– Наглость этих людей переходит все границы! Иногда ловлю себя на мысли, что закон к ним слишком благоволит. Подумать только, их сажают в тюрьмы, вместо того, чтобы вздёрнуть или четвертовать немедленно!

Гаитэ едва не поперхнулась от такого «милосердия».

– Четвертовать за пасквиль?

– Как ещё прикажите бороться с этими грязными людишками?

– Зачастую их пасквили ядовиты, но не лживы. Может быть, знати стоит лучше бороться со своими пороками, вместо того, чтобы рвать языки слугам за сплетни?

– Я бы подобным слугам ещё и глаза выкалывал.

– Ну и руки бы им тогда оторвать, – язвительно фыркнула Гаитэ. – Ваш поступок отличается крайней неразумностью. Он может привести лишь к тому, что вскорости ночной горшок за собой придётся выливать лично..

– Сеньорита, что вы вообще делали одна на улицах? Ни одна уважающая себя женщина не рискнёт прогуливаться без охраны.

– А я прогуливалась с охраной, – поспешила заверить его Гаитэ.

Слуга матери начал порядком досаждать, но отказаться от его услуг она пока не могла. Приходилось терпеть его опеку и быть благодарной. Кстати, было за что благодарить. Служил он верно и не требовал платы. Как сама Гаитэ подозревала, потому, что имел куда более свободный доступ к казне её семьи, чем она.

Празднества по случаю бракосочетания принцессы Эффидели состоялись в среду. Веселье началось с самого утра. Залпы пушек перекликались с колокольным звоном. Городская стража в парадной форме щетинилась пиками, алебардами и мушкетами, заняв свои места на улицах, раздавая листочки с программой торжеств и маршрутом императорского кортежа.

Улицы и площади кишели народом. Гаитэ эта шумная толпа напоминала взволнованное море, где каждая волна словно рокошующий вал. Не имея возможности присутствовать на торжественном императорском выезде среди знати, она решила посмотреть на него с другой стороны – со стороны простонародья. Понимая, что это рискованно и вряд ли получит одобрение со стороны её опекуна, она ни словом ему об этом не обмолвилась. Но, чтобы не попасть в неприятности, прихватила с собой охрану.

Главная церемония встречи гостей состоялась на Площади Всех Святых.

Гаитэ не могла отвести взгляда от крепости – восемь башен со сторожевыми вышками, слепые толстые стены, решётчатые ворота, подъёмные мосты – все впечатляло масштабами и габаритами.

Император на белом иноходце во всём своём великолепии первым проплыл мимо сурового стража его власти, провожаемый ликующими криками толпы. Потом потянулись шеренги высшей знати. Возглавляло их духовенство, за духовенством двигались военначальники. За военными шли отцы города, за ними трубачи с трубами и отряд лучников. Потом – купечество с эскортом лакеев. И уже в хвосте тянулись городские советники, мастера гильдий суконщиков, бакалейщиков, галантерейщиков, меховщиков, аптекарей и виноторговцев в бархатных костюмах, каждый со своей стражей.

Народ радостно приветствовал всех. Его энтузиазм охладел лишь при виде представителей императорского суда и счётной палаты – символа ненавистных налогов.

Представителей высшей знати приветствовали восторженно. Толпа обожала молодых господ, таких храбрых, таких блестящих! Все словно напрочь забыли об их мотовстве, чванстве, кутежах и бесстыдных дебошах в тавернах, а помнили только о красоте да военной доблести.

Наконец показалась и невеста.

Эффидель Фальконэ ехала в открытой колеснице из позолоченного серебра, в которую была впряжена шестёрка лошадей в алых пополах, расшитых золотом и драгоценными камнями. Под белоснежной длинной вуалью, спускающейся на роскошную, но бесформенную мантию, самой принцессы было и не рассмотреть.

Очень символично: не женщина, а статус. То, что можно выгодно продать, вручить, обменять, невзирая на личные и физические достоинства или недостатки. А раз последние не имеют значения, то и демонстрировать их ни к чему.

Трон под алым балдахином с золотыми кистями установили на верхней площадке лестницы, ведущей к храму. Белые мраморные ступени, по которым должны были подниматься гости, чтобы удостоиться чести коснуться губами императорской длани, устлали коврами.

Жених и невеста под удушающе-роскошными одеждами стояли по правую сторону от императора.

Принцы и герцоги, обладающие властью не меньшей, а подчас и большей, чем сам император, один за другим преклоняли колено перед тем, чьё превосходство признавали, вынужденно или номинально, как уж совесть позволяла.

– Сеньорита, если вы хотите без опозданий попасть на бал, нужно вернуться, чтобы успеть подготовиться.

Служанка была права. Гаитэ позволила ей себя увести.

Фантазировать о том, что всё будет по её воле, легко и ловко, было приятно, пока Гаитэ находилась под сенью лесов, а здесь, видя перед собой всех этих людей во всём кричащем блеске их великолепия и дикой спеси, она понимала, что сегодняшний вечер, вероятно, потребует от неё всего её мужества. И ещё не факт, что его хватит.

«Ладно, самое худшее, что со мной может случиться – мне отрубят голову. Ведь когда-то я верила, что меня вообще сожгут».

Мысль, прямо скажем, не особо одобряющая.

После ванны с благоухающими травами, маслами и притираниями, после лёгкого обеда, которого должно было хватить, чтобы за ужином не накидываться на императорские деликатесы, Гаитэ впервые примерила шикарное платье из белой тафты, приготовленное заранее для такого случая. Шемизетка из тончайшего кружева, украшенного мельчайшими алмазами, выглядевшими, словно капли дождя в лунном свете, была настоящим произведением искусства. Полы платья отвернули и закололи бриллиантовыми аграфами.

К платью прилагались бриллиантовые гребни, серьги с подвесками, полумаска и веер из пушистых перьев.

– Нужно причесаться, сеньорита.

Гаитэ покорно отдалась в руки камеристки. Та ловко приподняла её тяжёлые, светлорусые, с пепельным отливом, волосы, туго оплела их нитями жемчуга и заколола гребнями.

Когда приготовления были завершены, один из слуг подошёл с зеркалом в руке, позволяя Гаитэ увидеть себя в новом обличье.

Вся она, такая хрупкая, нежная, с шелковистой кожей, походила на жемчужину, излучающую мягкое сияние.

«А ведь я красива», – с удивлением подумала Гаитэ.

Служанка опустила на колени, чтобы поправить шлейф верхнего платья.

– Вы не знаете, старший сын императора Алонсона, герцог Карди, будет на балу? – спросила Гаитэ.

– Конечно, сеньорита, – всё ещё стоя на коленях и не глядя на госпожу, прошептала служанка. – Этот ужасный человек не пропустит возможности заявиться на праздник, на котором будет так много красавиц и лучшего вина в Саркоссоре.

– Ужасный человек, – задумчиво повторила Гаитэ, с трудом подавляя вздох. – Он на самом деле так плох, как говорят?

– Даже хуже! Все Фальконэ прокляты. Я слышала, как один из бесстыдных, всюду проникающих пажей, рассказывал, что во дворце герцога, в его красном, как кровь, палаццо, есть флигель, кому никуда не дозволено ходить. Его охраняет огромный мавр, такой чёрный, как днище годами нечищенного чугуна. Там целыми днями напролёт герцог предаётся оргиям с разными женщинами. У него неистощимая мужская сила и кровожадное сердце льва. Однажды, когда страж на минутку отошёл, паж увидел черед приоткрытую дверь большой зал с огромной кроватью под алым балдахин и длинными цепями, прикрученными к стенам. И плети. Багровое пламя плясало по стенам, танцуя по обнажённым женским телам. Говорят, что непокорных красавиц этот людоед пускает на жаркое, которое готовит лично. Несмотря на жестокое обращение с женщинами, у Торна Фальконэ от них отбоя нет. Видимо, он завлекает их при помощи магических снадобий?

– Просто паж выдумщик, как все мальчишки. Дело не в дьявольских кознях, а в деньгах и власти и нет в мире чар сильнее.

– Увы, сеньорита, – подняла девушка тёмный, застывший взгляд, – не все рассказы лживы. Многие девушки, услугами которых пользовался герцог Карди, напуганы до такой степени, что предпочитают хранить молчание о проведённых с ним ночах. В его дворце такое творится... просто срам! Даже родной отец пытался предостерегать сына, но тот никого не слушает.

Из дома выехали затемно.

Звёзды на небе затянуло лёгкой дымкой тумана, отчего луну словно окружал золотой ореол. А на земле повсюду пылали факелы да вино лилось рекой. Окна императорского дворца светились, как зачарованная табакерка. Экипажи так плотно заставили улицы, что почти с полквартила пришлось идти пешком.

Когда Гаитэ, в сопровождении небольшой свиты, вошла в переполненный народом балльный зал, герольды объявили имя вновь прибывшей, но в общем громогласном шуме оно потонуло, как капля в море, чему она была только рада.

Новобрачные спускались со второго этажа по широкой лестнице.

Невеста сменила тяжёлые подвенечные одеяния на нарядное платье, хорошенькое личико теперь было открыто любопытным взорам – вуаль больше не скрывала его. Жених тоже был не дурён собой. Молодые являли собой красивую пару, лучась здоровьем и довольством. Приветственные крики, овации, здравницы, пожелания счастья, процветания, скорейшего обзаведения здоровым потомством слышались отовсюду, стоило молодым поравняться с гостями.

Их обсыпали розовыми лепестками и те взлетали вверх, наполняя зал сладким ароматом. В комнате словно шёл цветочный дождь.

Гаитэ притаилась за одной из колонн, с другой стороны которой, в тени, держался молодой человек с густыми, иссиня-чёрными волосами, волной спадающими на плечи. Чернота волос и блестящих, словно ягоды смородины, глаз, создавали разительный контраст с бледной кожей. Простая одежда из чёрного бархата отличала его от остальных придворных, разодетых в камзолы всех цветов радуги, украшенных драгоценностями сверх меры.

Скрестив руки на груди, молодой человек, хмурясь, наблюдал за проходящей мимо новобрачной четой. В отличие от всех, не проронив ни единого доброго слова.

Бал начался.

Сделав несколько танцевальный па, молодожёны, раскланявшись друг с другом, пошли за новыми партнёрами. Эффидель, не колеблясь, вывела в круг танцующих того самого черноглазого красавца, на которого только что исподволь поглядывала сама Гаитэ.

С досадой обмахиваясь веером, она отошла в сторону, но, сделав несколько шагов, замерла, прислушиваясь к беседе двух мужчин, стоявших неподалёку.

– Ваша сестра очаровательна! – говорил один.

– Знает об этом и отлично умеет этим пользоваться, – насмешливо откликнулся другой.

– Брак может быть благословением, – соловьём распинался первый. – Союз мужчины и женщины перед лицом Божиим – что может быть прекрасней? Вы плачете на свадьбах?

Его собеседник уронил презрительный взгляд, брезгливо поджимая губы. Но первый продолжил, словно ничего не замечая:

– Я всегда плачу. У меня в такие моменты глаза на мокром месте. А вы?..

– На своей, возможно, заплачу, но, надеюсь, она случится не скоро, – прозвучало довольно грубо.

У Гаитэ возникло неприятное чувство, будто к позвоночнику приложили лёд. Сомнений не было – перед ней был старший сын Алонсо, печально известный Торн, герцог Карди.

Такие же волнистые, как у брата, волосы, были на порядок светлее, глаза – не чёрные, а с жёлтым тигриным отливом. Лицо открытое, смелое, волевое, но выражение высокомерия и спеси, а также пока ещё не явная, но всё же читаемая печать порока несколько портили впечатление от приятной внешности.

К ним приблизилась новая группа людей. Судя по агрессивному, даже вызывающему виду, настроенная недружелюбно.

– Добрый вечер, господа, – приветствовал их Торн с улыбкой, которую назвать приятной мешал издевательски скривившийся уголок губ. – Почему не спешите пригласить на танец дам? Позвольте угадать? Изобретаете новый крахмал для воротничков?

– Не угадали, сударь. Мы собираемся отправиться на охоту.

– Вы шутите? – издевательски заломил бровь Торн. – Для охоты сегодня ночью слишком холодно. У вас же кожа на руках потрескается!

– Не беспокойтесь. У нас есть перчатки и подбитые тёплым мехом плащи.

– Это обнадёживает, – Торн подхватил бокал вина с подноса, которым гостей обносили пажи. – На кого собираетесь охотиться, господа? На кабана?

– На тура.

Сцена приобретала новый смысл – туры тотемный зверь Фальконэ.

Улыбка сошла с лица герцога Карди. Он опустил голову, совсем как упомянутое секундой ранее, животное.

– Нам необходима его голова! – с вызовом тихо завершил фразу молодой человек.

Только сейчас Гаитэ узнала в нём Сорхэ Санчас, ярого сторонника своей матери. Странно, но её симпатии в данный момент необъяснимым образом были на стороне Фальконэ.

Какая бестактность на свадьбе затевать ссору!

– Надеюсь, зверь уже поднят? – вплелся в общий хор голосов новый. Это Сезар Фальконэ подоспел с поддержкой.

Молодые люди с вызовом оглядели его, не узнавая. Или делая вид.

– Вы кто?

Это было почти смешно! Даже Гаитэ, недавно выбравшаяся из дикого провинциального захолустья, знала, кто перед ней. Что уж говорить о царедворцах?

Сезар, усмехаясь, тихо спросил:

– Вы не знаете?

Сорхэ Санчас склонил голову к плечу, с вызовом глядя в лицо противнику:

– Вы не кардинал и не солдат, не принц и не герцог, не муж и не вдовец. Вы, сударь, никто. Если, конечно, сбросить со счетов то, что вы незаконнорожденный ублюдок вашего отца.

– Эй, брат, полегче! – предостерегающе коснулся плеча Сорхэ один из его людей.

Но тот грубо оттолкнул удерживающую его руку:

– Повторяю вопрос: кто вы такой?

– Отдыхай, Сорхэ, – сохраняя невозмутимость, снисходительно проронил Сезар. – Выпей вина. Моего вина. Потанцуй во дворце – моём дворце. Прелестные юные девы Саркассора будут рады доставить тебе удовольствие лишь бы угодить мне.

– Ты не согласишься – мне противно даже думать о прелестных юных распутницах, которыми вы, Фальконэ, наводнили свой дворец!

Торн язвительно расхохотался:

– Не хочешь прелестных распутных дев? Мой брат отведёт тебя к прелестным распутным юношам!

Недолго думая, Сорхэ, явно от большого ума, набросился на говорящего с кулаками. Правда прежде, чем он успел осуществить безумную затею, его, явно более здоровые на голову, друзья, успели его удержать, схватив за плечи и руки.

– Успокойся! Хватит! Успокойся же!

Посмеиваясь, братья Фальконэ, отошли, направляясь к кругу танцующих.

Глава 3

То, что издалека казалось таким простым и естественным: подойти и заговорить с императором Алонсоном о матери, предложив себя в качестве ценного приза и залогом мира, на месте потеряло смысл. Слишком властными, самолюбивыми и алчными выглядели сильные мира сего, а самой себе Гаитэ виделась тем, кем, по сути, и была – скромной пчёлкой, залетевшей в яркий сонм бабочек, мотыльков и стрекоз.

«Отступать поздно», – упрямо вздёрнула она подбородок, заставляя себя выпрямить спину и сделать шаг вперёд. – «Нужно осуществить задуманное. Выполнить то, ради чего пришла».

Мелодично пели флейты. На мозаичных плитах внутреннего двора танцевали девушки в белоснежных платьях из воздушного, как эфир, материала, с лавровыми венками на завитых в локоны волосах. Их ножки в мягких туфельках беззвучно порхали, словно они в самом деле были бесплотными духами. Руки синхронно взлетали, как крылья ангелов.

Гаитэ отыскала взглядом императора. Алонсон стоял на галерее второго этажа, рука об руку с дочерью, любуясь балетом. Нарушить счастливое уединение отца и дочери не представлялось возможным. Самым естественным было бы заговорить с императором во время танца, однако подгадать момент, когда, как бы между прочим, при перемене фигур, их руки встретились бы, оказалось непросто. Но, будучи упрямой, упорной и предусмотрительной, Гаитэ справилась.

Подняв глаза, она встретила взглядом с чёрными глазами императора. Его сходство с младшим сыном было просто поразительно.

– Душенька моя! Вы столь красивы, что против воли взгляд весь вечер обращается к вам, – отвесил он комплимент Гаитэ.

Несмотря на далеко не юные годы, Алонсон Фальконэ сохранил шарм и мужскую привлекательность. Недаром о его успехе у женщин ходили легенды.

– Прелестница! Доставьте мне удовольствие – назовите своё имя. Как не стараюсь угадать, кто скрыт под маской, память бессильна. Никак не могу вас вспомнить.

– На самом деле сложно вспомнить того, кого видишь впервые, – улыбнулась Гаитэ.

– До сих пор пленительная звезда предпочитала светить в другом месте? Что ж! Я искренне рад, что вы, наконец, озарили своим сиянием и мой дворец тоже.

Гаитэ вздохнула, понимая, что тягаться куртуазностью речей не имеет смысла:

– Боюсь, как только Ваше Величество узнает кто перед ним, мой свет в его глазах померкнет.

Она опустила маску, с испугом и надеждой взирая на императора, но, видимо, сходство с матерью было отнюдь не так велико, как в том пытались убедить её льстецы. По-крайней мере, Алонсо её не узнал.

– Что вы хотите этим сказать, душенька?

– Хочу сказать, что осознаю всю неуместность нашей встречи здесь, на балу, и понимаю, что могу вызвать ваш гнев, ваше величество, но у меня не было иного способа встретиться с вами.

– Я всё ещё не понимаю?

– Моё имя Гаитэ Рейвдэйл, – представилась с сильно бьющимся сердцем. – Я дочь герцогини Рейвдэйлской.

Выражение императорского лица мгновенно изменилось. Благость стекла с него, как с гуся вода. Оно сделалось жёстким и холодным, как у идола. От милостивой улыбки не осталось и следа.

«Ну вот и всё, – обречённо пронеслось в голове Гаитэ. – Сейчас он велит заточить меня в крепость. А на рассвете обезглавит. Или четвертует. А, может быть, отдаст приказ отправить на костёр, как еретичку? Вот только не это!».

– Отец? – возник из толпы Сезар, глядя на Гаитэ с инквизиторской подозрительностью. – Всё в порядке?

У Гаитэ было такое чувство, что от взгляда чёрных глаз отца и сына кожа на её лице вот-вот начнёт пузыриться расплавившись.

– Следуйте за мной, – процедил Алонсон, круто разворачиваясь, так, что пурпурная мантия завихрилась вокруг его ног.

Сделав музыкантам знак продолжить играть, а гостям – танцевать, император широкими шагами направился прочь из зала. Люди с поклоном расступались, освобождая дорогу. Гаитэ покорно семенила рядом, придерживая длинные пышные юбки, чтобы замыкающий шествие Сезар ненароком не наступил на них.

Миновав арку с нишами, они поднялись на галерею. Взгляд Гаитэ невольно цеплялся за непривычную роскошь. В нишах стояли скульптуры в полный, человеческий рост, стены украшали лепнина и фрески. Повсюду в высоких вазонах красовались цветы.

Приподняв гобелен на одной из стен, император открыл потайную дверь, ведущую через узкий коридор в небольшую комнату. Её интерьер представлял собой оригинальное сочетание изысканности с простотой. Окна обрамляли бархатные, с золотой бахромой, шторы. Стены украшало оружие. На столе стояли письменные принадлежности, лежали тонко очиненные перья да несколько листов папирусной бумаги.

– Итак, сударыня? – тяжело опустившись в кресло, прогремел император. – Вы утверждаете, что являетесь дочерью нашего врага?

Множество вариантов ответа вертелось у Гаитэ на языке, но вслух, как ни странно, прозвучало только короткое:

– Да.

– Как такое возможно? Известно, что у Стеллы Рэйвдэйл был сын. Будь у неё дочь, мы бы знали. Вы самозванка, сеньорита! Но чего вы желаете добиться столь жалким лицедейством?

– Это не ложь.

– Повторюсь, – спокойно перебил Алонсон. – У Стеллы Ревдэйл не было дочери.

– Ошибаетесь, отец, – встрял Сезар, не сводя с Гаитэ внимательных глаз. – Была. Помните, мы даже встречались с вами, сеньорита, когда были детьми?

– Не надеялась, что вы взяли на себя труд меня запомнить, – обрадовалась Гаитэ.

– Так-так, – в задумчивости сложил Алонсо руки домиком. – Выходит, у Тигрицы было два тигрёнка?

– Старшую дочь герцогиня Рейвдэйлская предпочитала не афишировать. Ходили слухи, что она безумна, и потому семья заточила её в монастырь, – проинформировал Сезар.

Молодой человек обошёл Гаитэ по кругу, оглядывая со всех сторон словно лошадь, выставленную на продажу.

– Но на умалишённую вы не похожи, – попытожил он.

Лицо Алонсона оставалось бесчувственным, как у статуи.

– Я не сумасшедшая, – оправдывалась Гаитэ. – У меня особенный, редкий дар. Мать сочла это за одержимость и отослала меня к духовным сёстрам.

– И что? В монастыре духи унялись? – с интересом спросил Сезар.

– Нет. Я слышу их и сейчас. Иногда – когда хочу, но чаще, когда хотят они. Духи в этом похожи на людей, им плевать на чужие желания. Но осмелюсь сказать, что мой дар, как и моё проклятие, значения сейчас не имеют. В отличие от доказательств моего происхождения. Все необходимые метрики, подтверждающие мою личность, у меня с собой.

– Давайте, – протянул руку Алонсон.

Раскрыв небольшую сумочку, Гаитэ передала документы. Пробежавшись по хрупким листам взглядом, император едва заметно кивнул, подтверждая их видимую подлинность.

– Допустим, вы та, за кого себя выдаёте. Что с того? Чего вы хотите?

– Я хотела бы поговорить об этом с вашим величеством наедине.

– Сын мой, – устало махнул рукой Алонсон, – оставьте нас.

– Сеньорита, – склонил голову Сезар и, щёлкнув каблуками, вышел.

Стоило дверям за ним закрыться, дышать сделалось словно бы легче, но вместе с тем у Гаитэ возникло отчётливое чувство, будто в комнате убавился свет.

– Итак? – тяжело вздохнул император. – Я внимательно слушаю. И надеюсь, ваше сообщение стоит того, чтобы отрывать меня от празднества?

– Я упоминала о сообщении, ваше величество?

– А разве нет?

– Что ж, если у вас сложилось такое впечатление, – со всей кротостью, на которую только была способна, произнесла Гаитэ, – не стану обманывать ваших ожиданий. На западе страны вновь собираются тучи, а зачинщикам смуты глубоко безразличны страдания людей и ослабление страны. Моё существование сыграет им на руку; я – та козырная карта, которую ваши противники с удовольствием против вас разыграют.

– И вы не боитесь вот так, в лицо, бросать мне эти изменнические речи? – грозно свёл брови император.

– Я не бросаю – лишь передаю их. Полагаю, мои уста не сказали вам ничего нового?

– Отчего же? Само ваше существование – новость дня нас, – ворчливо отозвался император. – Могу представить, какую радость испытали наши враги, узнав, что у них вновь есть повод начать войну. Тем сильнее меня удивляет ваше присутствие здесь. Глядя на ваше юное красивое личико, не могу не задаваться вопросом – вы так храбры? Или настолько глупы, чтобы бездумно отдаться мне в руки?

– Я достаточно для этого рассудительна. Можно мне говорить начистоту, ваше величество? Вы достаточно крепко держите власть в руках, но ваши враги не оставят вас в покое, раз за разом припоминая ваше происхождение. Они снова и снова будут твердить простонародью об узурпированной власти и попорченной воле богов. Моя семья оказалась не способной править, но именно в нас народ упрямо видит помазанников божьих. Так почему бы нам не объединить усилия? Не создать союз?

– Каким образом?

– Через брак.

– Брак? Фальконэ с Рейвдэйлами?! – на лице Алонсона застыла маска брезгливого изумления.

Правда, всего на несколько коротких секунд. Потом его лицо сделалось нечитаемым.

Император откинулся на спинку кресла, в задумчивости потирая холёный подбородок.

Гаитэ, пытаясь его убедить, с жаром продолжила:

– Вы, конечно, формально завоевали наши земли, но, чтобы владеть ими, придётся прикладывать множество усилий, постоянно подавляя бунт недовольных, в то время как подобный союз позволит сделать это бескровно и безболезненно. Кровь, текущая в моих венах, считается одной из самых благородных. Она даст право нашим общим потомкам претендовать на трон без обвинений в узурпаторстве. И, ваше величество, я не такая, как моя мать. Я хочу мира. Хочу жить в комфорте, в покое и в уважении. Взяв меня в свой дом, вы лишите врагов возможности использовать меня против вас в политических и военных целях, не потеряв душевного покоя.

– Допустим, я сочту предложение интересным и соглашусь принять его? – прищурился Алонсон. – Что ты потребуешь от меня взамен?

– Безопасности – для себя и моей матери. Я понимаю, что освободить Стеллу Рейвдэл невозможно, что это может стать началом новых волнений. Кроме того, она может помешать нашему союзу. И всё же я – дочь. Я должна быть уверена, что в заточении моей матери комфортно и она ни в чём не нуждается. Это и вам сделает честь, как человеку милосердному и гуманному, чтобы не говорили о вас недоброжелатели.

– Бог мне свидетель, я никогда не желал вражды между вашей матерью и мной. Я всегда уважал её как женщину сильную, умную и, что немаловажно, красивую. Приятно видеть, что всё это воплотилось и в её дочери тоже.

Император снова потёр пальцами гладко выбритый подбородок. На его лице вдруг проступило самодовольное, торжествующее выражение. До Алонсона стало доходить, какой триумф над давней противницей он может одержать, повенчав своего сына с её дочерью. Этот брак буквально взорвёт всё то, что она обороняла столько лет! Он, Алонсон Фальконэ, завладеет всем, что было дороге герцогине Рейвдолской! И при этом проявит унижительное для противницы великодушие.

– Мне нравится ваше предложение, сеньорита, – усмехнулся Алонсон. – Я согласен.

Признаться, Гаитэ в первый момент даже растерялась. Желаемое оказалось слишком легко достигнутым. Она думала, что всё будет гораздо сложнее.

– Где вы остановились? – деловито поинтересовался Алонсон.

– В доме неподалёку отсюда.

– Сколько людей вам служат?

– Около десятка.

– Если пожелаете, можете пригласить их сюда, ибо с сегодняшнего дня вы моя почётная гостья. Немедленно прикажу челяди приготовить вам покои.

– Но...

– Душенька, это не обсуждается. После того, как новость разлетится, вам потребуются гарантии безопасности. А, клянусь святым чревом, Жютен сегодня как улей. В любой момент кто-то может ужалить. Понимаю, вам хочется видеть рядом знакомые лица? Не возражаю. Распорядитесь, чтобы ваши люди прибыли во дворец – их пропустят. Я лично дам вашему доверенному лицу пропуска.

– Благодарю, ваше величество.

– Ступайте, дитя моё. Веселитесь. Есть повод, – улыбнулся он. – А если пожелаете уединения, лишь подзовите моего слугу. Вас тотчас же проводят в вашу спальню.

– Вы так добры!

Император протянул руку для поцелуя и Гаитэ, склонившись, прикоснулась губами к красному, как кровь, рубину императорского перстня, в знак признания власти и уважения.

Она чувствовала себя так странно!

Чтобы проветриться и вдохнуть немного свежего воздуха, Гаитэ вернулась во внутренний дворик. Тот успел опустеть – гости перешли во дворцовые комнаты.

Ярко светила луна, да и факелы горели вовсю, однако теней было больше, чем света. Меланхоличное пение флейт долетало сюда из внутренних комнат и около сухой чаши фонтана кружились девушки-балерины. Их лёгкие светлые платья и тонкие белые шарфы летели вслед за ними, напоминая клочья тумана, невесомого и зловещего.

Девушки смеялись. Голоса их гармонично вплетались в атмосферу вечера, перекликаясь с флейтами. Но внезапно они смолкли, словно стайка испуганных птичек.

Повернув голову, Гаитэ увидела высокую фигуру старшего из братьев Фальконэ. Приклонившись плечом к колонне, её будущий муж наблюдал за танцующими.

Лицо Торна было спокойно. Распустившаяся шнуровка на камзоле, растрёпанные волосы и тяжёлый взгляд явно давали понять, что состояние трезвости он утратил давно.

Злой и пьяный? Опасное сочетание. Танцовщицы поспешили ретироваться, устремившись в сторону распахнутых дверей.

Гаитэ пристроилась, было, за ними, но ей преградили путь.

Движения Торна были быстрыми, точными и жёсткими. Схватив девушку за плечо, он рывком припечатал её к стене.

– Нет!!!

Но, игнорируя протесты, с ловкостью и, воистину звериной быстротой, он задрал ей юбки. И прежде, чем Гаитэ успела осознать, что делает, она со всей силы отвесила императорскому сыну оплеуху. Да какую! Рука заныла.

Оба застыли, глядя друг на друга в изумлении. Он – неверующе, она – с испугом и вызовом.

На красивом лице Торна обозначился хищный оскал – он явно собирался отыгаться. Гаитэ с ужасом поняла, что осталась один на один с мужчиной, для которого, судя по всему, совершенно не существовало правил.

Движение его руки Гаитэ не отследила, лишь почувствовала, как её оторвало от земли. Спина больно пересчитала все кирпичи на стене. Ловко расправившись со шнуровкой на её платье, Торн нырнул рукой за корсаж, сжимая её сосок между указательным и большим пальцами.

Боль была острой, но бледнела на фоне унижения и стыда.

– Пустите меня! – возмущённо прохрипела Гаитэ. – Прекратите! Мне больно!

Торн слегка ослабил хватку, позволяя ногам Гаитэ коснуться земли, но лишь носочками пальцев. Это куда больше походило на пытку, чем на милосердие.

– Больно, – хмыкнул он. – А ты хотела бы от изнасилования получать удовольствие? – добавил глумливо.

– Я бы вообще предпочла избежать подобного развития событий, – сдавленно прохрипела Гаитэ. – Изнасилование – не лучший способ понравиться девушке!

– Девушке? Вот как? В Саркагоре такие ещё остались?

Оставив в покое грудь Гаитэ, он с силой сжал ей щёки, так, что губы непроизвольно раскрылись, как у рыбки.

Мгновенно воспользовавшись ситуацией, Гаитэ клацнула зубами, вонзая их ему в пальцы.

Сам напросился!

Она рассчитывала, что Торн ослабит хватку, и это даст ей шанс вырваться. Но просчиталась. Зарывав от боли, мужчина не отдёргнул руки. Лишь зло рассмеялся ей в лицо:

– Так-так! Наш маленький зверёк точит зубки?

Внезапно отпустив, Торн позволил Гаитэ мешком рухнуть себе под ноги, но в следующий момент его пальцы грубо схватили её за волосы и мир вспыхнул всеми красками боли. Вырванные с корнем волосы то ещё удовольствие.

Инстинктивно, Гаитэ подняла руки к голове, хватаясь за его ладонь, чтобы ослабить жёсткий рывок, не сразу сообразив, что стоит на коленях. Лишь потом дошло, что эту позу для неё выбрали преднамеренно и она с ненавистью глянула на Торна снизу-вверх.

Такое красивое лицо. Такое обманчиво одухотворённое. Но при определённых обстоятельствах даже красота способна вызывать отвращение.

Очередной рывок заставил её, застонав, подняться на ноги. Рука Торна оплела талию, удерживая крепко и властно, не пошевелиться.

Чтобы не упираться подбородком ему в грудь, Гаитэ была вынуждена запрокинуть голову.

– И это всё, на что хватает вашей фантазии? – дерзко фыркнула она, изо всех сил упираясь ему руками в грудь и плечи. – А я-то слышала, что вы умеете обходиться с женщинами!

Интересно, сколько денег пришлось заплатить, чтобы обрасти славой хорошего любовника? Ведь, судя по вашим манерам, до сих пор если вы успешно за кем и ухаживали, так это за скотиной на ферме!

Высвободиться не получалось. От ярости и страха кружилась голова:

– Вы жалкий! Ни на что не годитесь! – кипятилась Гаитэ. – Только трус демонстрирует силу безоружной женщине, измываясь над ней, упиваясь своей безнаказанностью! Трус и негодай! Ни одна женщина в здравом уме вас не захочет!

Гаитэ смерила Торна презрительным взглядом, хотя смотреть на человека свысока, будучи почти вполтину ниже его ростом, задача не из лёгких.

Наклонив голову, Торн с издевательской усмешкой слушал её речи, не выпуская из жадного кольца рук. В жёлтых, тигриных глазах, светилось злое веселье.

– Не захочет, говоришь? Скажи, что может знать о плотских желаниях маленькая скромная монашка, вроде тебя?

– Только то, что вы мне его не внушаете!

– Да я пока и не пытался.

Воспользовавшись тем, что он на мгновение ослабил хватку, Гаитэ сорвалась с места, проворная, как птичка. Но чёртов Торн, несмотря на свой внушительный рост, оказался не менее быстр. Легко, играючи, он перерезал ей отступление в том единственном направлении, в котором Гаитэ могла бы найти помощь.

И удовлетворённо расхохотался. Для него это было забавой. Он наслаждался этой игрой в кошки-мышки.

– Ты же не надеялась, что удастся безнаказанно оскорбить меня и улизнуть?

– Я вас не оскорбляла!

– Да неужели?

– Говорить правду не значит оскорблять.

– Ещё как значит, если правда не по душе. А ты резвая! Скачешь, как коза. Но вот я тебя и поймал!

Торн схватил Гаитэ со спины, и, игнорируя испуганные и возмущённые крики, прижал к себе так сильно, что даже сквозь пышные юбки она ощутила его твёрдый, как камень, член.

– Нет! – крикнула она, но, вновь прислонив её спиной к колонне, Торн навалился сверху, прижимая всем телом, покрывая обнажённую кожу груди и шеи жалящими, как осы, поцелуями.

Он был силен как бык.

– Помогите! – крикнула Гаитэ, потеряв всякую надежду освободиться.

Дом полон людей. Должен же хоть кто-то её услышать?

– Помогите!!!

Подняв голову, он поморщился, будто услышал фальшивую ноту:

– Можешь не драть зря глотку. Дверь сторожат мои слуги. Никто сюда не войдёт, пока я не разрешу.

– Не надо! Не делайте этого! Пожалуйста! – взмолилась Гаитэ. – Проявите великодушие!

– Вот как ты запела, когда тебя положили на обе лопатки? – хохотнул он. – Такая мягкая и вкусная! Так и хочется тебя съесть.

Его язык оставил нарочито-влажную дорожку на её солёной от слёз, щеке.

Гаитэ старалась взять себя в руки и сдержать дрожь отвращения и рвущиеся из груди рыдания.

Отвернув голову, она уставилась на освещённый яркими огнями дом.

«Лучше умру, чем выйду замуж за эту скотину», – решила она. – «Или, что ещё лучше, найду способ убить его. Мать была права, что до последнего боролась с этой нечистью».

С удивлением она ощутила лёгкое прикосновение его пальцев к шее, в том месте, где саднило после удушающей хватки. Прикосновение было почти нежным, словно бы даже извиняющимся.

– У тебя такая тонкая кожа. На ней легко остаются синяки.

– У меня ещё и кости хрупкие, и лёгкие слабые. А ещё – мне холодно.

Он снова усмехнулся:

– Похоже, моя страсть тебя не греет?

Гаитэ подняла на него блестящие от непролитых слёз, глаза:

– Нет.

Лицо его исказилось, и он наотмашь, тыльной стороной ладони отвесил ей пощёчину.

Щёку обожгло, словно кипятком. Удар вышел звонкий и хлёсткий. Не ожидавшая ничего подобного Гаитэ с удивлением подняла на него глаза, прижимая ладонь к щеке.

– Мы в расчёте, – прорычал Торн зло. – А теперь – убирайся.

– Что?..

– Я сказал – пошла вон!

Гаитэ не заставила себя просить дважды. Почти бегом она рванулась к дому.

На мгновение мелькнула шальная мысль, вот прямо так, как есть, ворваться в зал, обвиняя Фальконэ в нарушении законов гостеприимства и посягательствах на свою честь. Скандал разразился бы славный. Недругам императорской семьи было бы на руку. Только чего она этим добьётся? Поставит жирный крест на их договоре с Алонсоном, после чего, скорее всего, уже к завтрашнему утру её труп обнаружится в ближайшей сточной канаве. И никто не вступится. Все эти прекрасные рыцари красиво бряцают оружием в романах, а в жизни, когда дело доходит до шкурных интересов, всем резко становится наплевать на всё, кроме личной выгоды.

Нет, если она хочет выжить и остаться хозяйкой в фамильных землях, придётся терпеть.

Бросив взгляд в одно из зеркал, Гаитэ ужаснулась собственному виду: волосы растрёпаны, на щеке багровый след от удара, платье измято. Появляться на публике в таком виде невозможно, если только она не имеет намерения прослыть женщиной лёгкого поведения.

В арке, ведущей в анфилады комнат, подобно призраку, возник Сезар Фальконэ так, словно сторожил, заранее поджидая в засаде. Кого? Да бог знает!

При виде Гаитэ лицо его обеспокоенно вытянулось:

– Сеньорита? – окинул он её взглядом с ног до головы. – С вами всё в порядке?

– Вовсе – нет! И, поскольку я не хочу, чтобы это стало очевидным для всех, прошу, отведите меня в мои покои. Ваш отец обещал, что их для меня подготовят?

По счастью, Сезар не стал пререкаться и задавать лишних вопросов:

– Идите за мной, – распахнул он двустворчатые двери в комнату. – Прошу вас.

К удивлению Гаитэ он последовал за ней. Она испуганно отшатнулась.

– Сеньорита, вам не следует меня бояться, – поспешил он успокоить её. – Напротив, я хотел бы вас защитить. Судя по состоянию вашего костюма, кто-то посмел поднять на вас руку? Позвольте мне наказать обидчика. Назовите его имя.

– Я не могу назвать его имени, потому что почти никого здесь не знаю. Да в заступничестве и нет нужды, меня лишь напугали, не причинив серьёзного вреда.

По большей части это было правдой.

– Но вас ударили, – возразил Сезар.

– Я сама ударилась споткнувшись.

– Сеньорита, это явная ложь.

– Прошу вас! – взмолилась Гаитэ. – День выдался длинным. Я слишком устала для светских разговоров и доказательств чего-бы то ни было. И, признаться, не стану держать на вас обиды, если сейчас вы просто покинете меня.

– Не выяснив, кто посмел на вас напасть?

– Боюсь, что так.

– Я мог бы попытаться...

– Благодарю вас, но, повторюсь, не стоит. Оставим этот инцидент. Пострадала лишь моя причёска, клянусь в этом. Если сомневаетесь, можете завтра созвать медицинский симпозиум и устроить осмотр.

Лёгкая усмешка коснулась губ Сезара.

– Ну что вы, сеньорита, – перебил он её мягким, как мех, обволакивающим голосом, – если вы утверждаете, что защиты не требуется, значит, так и есть. Но, надеюсь, вы не станете возражать против того, что к вашей двери будет приставлена охрана? В доме сегодня слишком много людей, а в толпе всегда не лишнее проявить бдительность.

– Поступайте, как считаете нужным.

– Прикажете позвать служанку?

– Благодарю, но час уже поздний, не стоит никого беспокоить. Я справлюсь сама.

Гаитэ смотрела на Сезара, ожидая, что он уйдёт, но он всё медлил.

– Что-то ещё? – вопросительно приподняла бровь она.

Сезар снова криво усмехнулся:

– Отец поделился со мной, рассказав о вашем с ним договоре. Вы уже видели Торна? Как вам понравился ваш будущий муж?

– Мужчины Фальконэ славятся горячим темпераментом, – холодно ответила Гаитэ. – Но, что греха таить, ваш брат показался мне несколько... несдержанным.

– Несдержанным? Это так теперь называется? Хм-м!.. Что ж? Будем надеяться, вашей сдержанности, как и благоразумия, хватит на двоих.

Сезар всё не уходил, словно ждал чего-то.

Может быть, что, утратив терпения, она сама попросту вытолкнет его за дверь? Гаитэ непременно так бы и поступила, будь у неё хоть толика уверенности в благополучном исходе дела.

– Почему вы выбрали моего брата? – неожиданно спросил Сезар, прямо глядя ей в лицо блестящими, как бусины агата, глазами.

– Простите?..

– Почему вы выбрали Торна, а не меня?

Гаитэ в первое мгновение даже растерялась от подобной дерзкой прямоты, но честно ответила:

– Потому что вы уже женаты.

– Пришлось жениться, чтобы найти армию, с чьей помощью я взял замок вашей матери.

– Верно. Вы привезли Тигрицу Рейвдэйла в столицу в цепях, многим преподав хороший урок. Я быстро учусь, поэтому предпочитаю не воевать, а выходить замуж.

– Жизнь с моим братом может быть невыносимой.

– Жизнь с вами была бы легче?

– Несомненно.

– Тогда мне остаётся лишь сожалеть о том, что вы поторопились, избрав неверный способ завладеть имуществом моей семьи. Богиня Любви в который раз докажет своё превосходство над богом Войны, не так ли?

Сезар отступил, отвесив короткий прощальный кивок.

– Ещё увидим. Приятных снов, сеньорита.

Глава 4

Опочивальню нельзя было назвать скромной. Двухспальную кровать словно приготовили для новобрачной. Обшитые кружевами простыни напоминали снежно-белую пену.

Кое-как расшнуровав платье и избавившись от корсета, Гаитэ легла в широкую постель. Она очень устала и была морально опустошена: непосильно тяжёлая эта ноша – быть последним представителем рода. Не менее приятно чувствовать себя жертвенным барашком в стае волков. Грызущее со всех сторон беспокойство заставляло нервно вертеться с бока на бок.

В большинстве случаев Гаитэ осознавала, что уже спит, что ускользнула в царство грёз или кошмаров, но в этот раз грань перехода была ею пройдена незаметно.

Приподнявшись, она пошарила на прикроватном столике в поисках кремня и свечи. Получилось не сразу, но вскоре мерцающий огонёк затанцевал на тонком фитильке, озаряя всё вокруг неровным светом.

Закутавшись в халат, засунув ноги в туфельки без каблуков, Гаитэ, крадучись, направилась к двери, словно растворившейся под её рукой.

Жемчужное сияние окутывало коридоры, щупальца тумана висели в густом воздухе. Всё вокруг выглядело необитаемым. Ни драпировок на стенах, ни ковров на полу, ни стульев, ни столов, ни свечей в подсвечниках. Никакой челяди: ни слуг, ни стражи у дверей – лишь гулкое эхо её шагов. И вдруг в этой глухой, вязкой тишине раздался смех, приглушённый и недобрый. Он разбудил в Гаитэ нездоровое любопытство.

Наверное, какая-то часть её сознания всё-таки понимала, что она спит, потому что в реальности Гаитэ никогда не стучалась в чужие двери и не пыталась подглядеть чужие тайны. А здесь сдвинула металлическую задвижку, открыв светлый кружок глазка, чтобы заглянуть в соседнюю комнату.

Поначалу не было видно ничего, кроме светлого круга дрожащих свечей. Потом свет убавился, открывая взгляду кровать с откинутым красным пологом.

На кровати на коленях стояла обнажённая женщина, за ней пристроился мужчина. Несмотря на наготу Гаитэ признала в нём Торна.

Женщина стонала, выгибая спину. На широкой обнажённой груди Торна под кожей играли мышцы.

Оторопевшая от ужаса и чарующей силы увиденного Гаитэ наблюдала, как его руки обшаривают пышную женскую грудь, легонько щиплют её за соски, заставляя издавать журчащий стон.

Потом она увидела, как Торн повернул голову в ту сторону, где за дверью подглядывала Гаитэ.

Он смотрел прямо на неё, и похотливая улыбка кривила его губы.

Он знал, что Гаитэ видит его и наслаждался этим.

Резко отпрянув, она очнулась в постели, в первый момент не в силах понять, что всё увиденное было лишь тяжёлым сном.

Гаитэ помнила, как накануне заснула, плача от усталости и обиды, от довлеющего одиночества. Всё это вполне могло навевать морок, но неприятный осадок после отвратительного сна продолжал держаться даже несмотря яркое солнце, вливающееся в окно.

Служанка, сдержанная и бесстрастная, пришла помочь ей одеться. Слуги внесли в комнату огромные, обитые железными полосами, сундуки из сыромятной кожи.

– Прислали ваш гардероб, сеньорита, – с поклоном оповестил служанка.

Хотелось спросить: «Кто прислал?», – но Гаитэ вовремя прикусила язык. Не хватало ещё добровольно давать повода для сплетен! Возможно, что сундук привезли из домика, что снял

для неё граф Фейрас, но, скорее всего, то был подарок императора, не желавшего видеть будущую невестку в монастырских серых обносках.

Пока Гаитэ раздумывала да сомневалась, девушки-служанки выкладывали содержимое сундуков на пол, кресла, кровать. Чего тут только не было! Она никогда такого не видела. Тончайшее бельё, ленты, кружевные отделки, зеркальца, красивые перчатки, пояса и ещё тысячи каких-то мелочей, о назначении которых вчерашняя монашка не подозревала.

И платья. Конечно же, платья. Множество платьев. Роскошных.

Гаитэ всегда считала себя скромной и способной довольствоваться малым, но при виде таких богатств испытала детскую, незамутнённую радость. Она впервые поняла, что в ней куда больше от женщины, чем она привыкла думать.

Служанки помогли облачиться в великолепное платье из белого бархата с квадратным вырезом, пышными бантами и алмазными застёжками.

«Воистину Фальконэ сказочно богаты, раз могут разбрасываться такими подарками», – подумала Гаитэ, но отчего-то без должной доли возмущения по этому вопиющему поводу.

– Его Величество просил сеньориту оказать честь – отобедать вместе с ним и его семьёй, – передал сообщение паж.

Резные двери распахнулись, и Гаитэ последовала за провожатым.

Не успели они дойти до лестницы, как навстречу юркой змейкой скользнула хорошенькая девушка, лет шестнадцати, не старше. Девушка могла быть только Эфиделью, младшей из Фальконэ, единственной дочерью Алонсона.

Вчера её волосы поочерёдно скрывал то плат, то вуаль, то головной убор, сегодня же они струились свободным каскадом по спине.

Как и утверждала молва, каким-то неподражаемым образом Эффи в семье жгучих брюнетов уродилась блондинкой, правда, локоны её отливали не золотом, а медью. И, несмотря на круглую форму личика с ямочками на щёчках, было в ней что-то от хитрой, хищной лисички.

Вроде бы милая да игривая, мягкая, но всё равно зубки-то острые не спрячешь.

Эффидель не таясь разглядывала Гаитэ, как какую-нибудь диковинную заморскую зверюшку. Взгляд её можно было расценивать и как детскую непосредственности и как откровенную дерзость.

– Вы – Гаитэ Рейвдэл? Дочь Тигрицы с Гор? – звонким, высоким, как у малиновки, голосом пропела девушку.

Небольшой, курносый, чуть вздёрнутый носик делал её внешность менее совершенной, чем у красавцев-братьев, но в то же время придавал образу живую теплоту. Вся она словно лучилась, источая жизнерадостной сияние.

– Рада знакомству, ваше высочество, – присела в реверансе Гаитэ.

Выражать симпатию было легко. Девушка ей понравилась.

Видимо, почувствовав это, Эффидель тоже решила явить себя с лучшей стороны. Смерив Гаитэ взглядом от макушки до щедро расшитого вышивкой подола платья, она вновь улыбнулась, отчего на щеках появились обаятельные ямочки:

– Вы прекрасны! Вы даже красивее вашей матери, слывущей одной и первых красавиц в королевстве.

– Мужчины часто называют прекраснейшими тех женщин, к чьим богатствам вожделяют, – усмехнулась Гаитэ.

Эффидель понимающе хихикнула. Смешок у неё вышел такой же живой и искрящийся, каким был падающий в окна солнечный луч.

– Это верно. Но я-то говорю искренне. Ведь теперь у вас не осталось ничего, кроме вашей красоты. Мой брат, одержав победу, забрал все ваши замки и земли. Они теперь наши. Поэтому вы хотите породниться? Чтобы забрать их обратно себе?

– Вы меня раскусили, – холодно ответила Гаитэ.

Эффидель сочла за благо оставить неприятную тему:

– Вы идёте в кабинет папочки?

Она называет императора «папочкой»? Какое умиление.

– Его Величество пригласили меня на завтрак, – не меняя ледяного тона ответила Гаитэ.

Эффидель облизала розовым язычком губы, сделавшись похожей на кошку, лакомящуюся сливками.

– Папочка желает вас видеть? Наверное, хочет обсудить вашу свадьбу? Или желает сообщить брату о своём решении в вашем присутствии? Скажите, вы правду верите, что Торн женится на вас? Зачем ему это делать, теперь, когда мы выиграли, а вы – проиграли?

– Может быть, из милосердия пожалеет бедную сироту?

Эффидель в изумлении похлопала густыми ресницами:

– Вы, должно быть, шутите? Торн в жизни никого, кроме себя любимого, не жалел. И вообще, для вас же было бы к лучшему, если бы он наотрез отказался на вас жениться.

– Не могу не согласиться с вами, – вздохнула Гаитэ. – К сожалению, мне нечего возразить.

– Вас, наверное, удивляет, что я в такую рань подстерегаю вас у лестницы, вместо того, чтобы быть сейчас со своим мужем? – понизив голос до едва различимого шёпота, заговорила Эффидель, – Но я умираю от любопытства, желая вас увидеть. А моему мужу, кажется, всё равно, – обиженно надула она губки. – В этом дворце так много мужчин, что мне не хватает женского общества. Обещайте, что придёте в мои апартаменты познакомиться поближе?

– Обещаю, – охотно согласилась Гаитэ. – Если ваш отец, конечно же, не будет против.

– Он не будет. Он никогда не отказывает мне в невинных удовольствиях. Так что скоро увидимся. До встречи, – пропела Эффидель и, крутанувшись, так, что пышная юбка колоколом завертелась вокруг её стройных ножек, упорхнула прочь.

А Гаитэ побрела за сопровождающим её пажом, попутно отмечая, что императорский дом и при свете дня поражает роскошью. Все комнаты заполнены фресками, изящными гобеленами. Повсюду настоящий праздник полированного дерева и розового мрамора.

Миновав большой двор, с его декоративным фонтаном и аркадой, они вошли в большой зал, к которому примыкало множество комнат. В одной из распахнутых дверей Гаитэ увидела возвышение, украшенное цветами. На нём стоял богато сервированный стол, за которым сидел император в компании своего младшего сына Сезара.

Паж, посчитав свое дело сделанным, беззвучно поклонился Гаитэ и убежал.

Не решаясь нарушить уединение мужчин, о чём-то увлечённо беседующих, Гаитэ нерешительно застыла на пороге.

Оба собеседника, ни отец, ни сын, не выглядели довольными.

– При всём моём уважении к вам, отец, я не могу позволить брату предъявить права на то, что принадлежит мне!

– Ни тебе, а семье, Сезар. Всё, что мы делаем, мы делаем не ради себя, а ради всех нас! И чтобы ты не говорил, решение уже принято. Я предоставлю девочке убежище. Она заслужила это своим храбрым поступком.

– Храбрым? – поморщился Сезар. – Она действовала из безысходности. И, к слову, её власть чисто номинальная, люди вряд ли станут ей повиноваться. Девчонка совершенно бесполезна.

– Хватит, сын! Довольно. Твоя алчность и жадность не делают тебе чести. Я могу понять твою досаду, но не разделяю её. И, кстати, если бы мы раньше вспомнили о существовании этой девушки, тебе, возможно, ненужно было бы идти на... некоторого рода, жертвы, – понизил голос Алонсон. – Но с этим уже ничего не поделаешь. А этот союз примирит многих.

– А мой брат, ваш возлюбленный сын, в очередной раз получит всё, – и титул, и невесту, – не ударив палец о палец.

– Брак, который нам так кстати предложили, введёт Торна в число старой знати и сделает его законным владельцем герцогства Рэйв, – довольно проронил император. – Ну разве это плохо?

– О! Меня это несказанно утешает! – Сезар вонзил кинжал в окорок с таким видом, будто ему не терпелось кого-нибудь прикончить. – А вы не думали, отец, что за те десять лет, что Тигрица воевала с нами, её поданные изрядно обнищали? Видели вчера платье этой девочки? У неё потрёпанные манжеты. Ваши надежды пополнить нашу казну подобным образом могут потерпеть фиаско. Конечно, девчонка с удовольствием выйдет замуж за одного из нас, но разве пустая, номинальная корона, висящая над её головой, способна сделать нас более могущественными или менее уязвимыми?

Гаитэ видела, как перекошилось от бешенства лицо императора. Так что даже на щеках набухли багровые вены.

– Ты осмеливаешься давать мне советы?! Пытаешься манипулировать мной?! Жалкий мальчишка! – рявкнул он на Сезара.

Отец и сын устали друг на друга, как два врага. Гаитэ даже показалось, что напряжение между ними можно потрогать руками.

Сезар с холодной, преднамеренной чёткостью, произнёс:

– Исполни желания этой девчонки, и мы все об этом пожалеем.

– Ты точно пожалеешь и прямо сейчас, если не прикусишь свой поганый язык!

– Ты словно разум потерял! Эта женщина не может быть нашим другом. Не забывай, какой непримиримый яд, вместо крови, струится по её жилам? Её мать не смогли смирить даже железные кандалы.

– А она не похожа на свою мать! К тому же твой брат, когда захочет, умеет обращаться с женщинами.

– Воля ваша. Я не могу помешать вам пустить к себе в овчарню волчицу, жаждущей нашей крови.

Гаитэ кипела от гнева. Вчера этот лицемер вёл себя с ней совсем иначе! Был галантен и предупредителен, а за её спиной пытается настроить отца против неё.

Она стояла не прячась, в ожидании, когда же хоть кто-то из Фальконэ одарит её своим вниманием.

Император заметил Гаитэ первым. Хотя, может быть, Сезар просто игнорировал?

– А, вот и вы, сеньорита! – натянул он на себя маску добряка и благодетеля, которого так любил из себя изображать. – Подходите, душенька, присаживайтесь, – пригласил он её к столу.

Несмотря на ранний час, на столешнице стояло множество аппетитных блюд с жареной дичью, свежими салатами и горами фруктов.

– Воспользуюсь случаем и передам вам радость Торна по случаю известия о возможности союза между нашими домами, – пафосно заявил император.

От Гаитэ не ускользнуло едва уловимое движение плечами у Сезара, будто он собирался пожать ими и лишь в последний момент сдержался.

Её охватила душевная борьба. Хотелось выплеснуть в лицо этим невыносимым людям всё то, что она думала об их милостях и фальшивом лицемерии, об их масках, которыми они столь небрежно прикрывали свои пороки.

Хотелось, ой, как хотелось!

Но жить хотелось ещё сильнее.

– Нужно сказать, узнав о вашем браке, мой сын был глубоко потрясён.

От ироничного смешка со стороны Сезара Гаитэ пробрала дрожь.

– О! Я могу дословно передать вам то, что кричал тут полчаса назад мой драгоценный брат, – улыбка, как кинжал, рассекла его рот. – «Вы решили, что так можно?», – причитал он. – Я, Торт Фальконэ и – дочь опальной Тигрицы? – передразнил он того, кто, видимо, действи-

тельно получасом раньше имел несчастье причитать по этому поводу. – Батюшка сказал ему то, что вы уже и сами слышали: мол, союз с вами нам якобы очень важен. Но Торн продолжал стенать, что сыну самого императора не по чину жениться на опальной герцогине...

– Сын, довольно! – с пугающей страстностью прорычал император. – Не заставляй меня стыдиться тебя.

– Чтобы ни делал я, вы всегда будете стыдиться меня. И – гордиться Торном. Хотя, в последнем случае, гордиться явно нечем. Моё почтение, сеньорита.

Отбросив салфетку, Сезар порывисто поднялся и покинул их общество.

– Не обращайтесь внимания. Я бывал слишком снисходителен к моим мальчикам, из-за этого оба вышли изрядные олухи. Но вы ни к чему не притронулись? – нахмурился Алонсо. – Почему не едите?

Как он не старался, маска заботливого, добродушного старца то и дело норовила соскользнуть. Она была ему не по размеру, и тут неважно, мала иль велика.

– Стоит ли мне предположить недоверие с вашей стороны? – продолжил Алонсон. – Я знаю, о нашей семье ходят упорные слухи якобы мы отменно пользуем недругов ядами. Надеюсь, вы ни в чём подобном меня сейчас не подозреваете?

Гаитэ покачала головой:

– Конечно, нет. Использовать яд в данном, конкретном, случае расточительная трата ценного ресурса. Вы можете запросто придушить меня гарротой в любой удобный для вас момент. Дешевле и эффективнее.

Император посмотрел на неё, задумчиво прижимая палец к губам.

– Откровенно говоря, услышав отзывы Сезара обо мне я просто потеряла аппетит, – призналась Гаитэ. – Моё положение так шатко и неясно, что о еде думается в последнюю очередь.

– Молодость, дитя моё, молодость. Лишь с годами начинаешь понимать, что нельзя пренебрегать ничем из того, что сможет пополнить запас твоих духовных или физических сил. А что касается вашего положения, то даю вам слово, что пока вы не попытаетесь предать моих интересов я буду блюсти ваши. Так что ешьте, душенька, ешьте. Фазаны восхитительны. А вино привезено из лучших виноделен Жютена.

– При всём уважении, не люблю вино, ваше высочество.

– Тогда налегайте на фазанов и фрукты. Попробуйте вот этот виноград.

Гаитэ покорно взяла протянутую ей тарелку с императорскими угощениями. Отказаться было бы невежливо.

– Я знаю, какие сплетни распускают обо мне и членах моей семьи наши враги. Мол, эти Фальконэ вероломны, им нельзя верить, они коварны, они жестоки. И все как-то забывают, что жестокость и вероломство мы проявляем лишь в ответ на такую же жестокость и вероломство в нашу сторону.

Здесь бы императору следовало бы произнести небольшой спич о том, что к друзьям Фальконэ относятся иначе, чем к врагам, да выходила маленькая неувязка – друзей у них не было. Только союзники и прихлебатели.

Алонсо откинулся на спинку кресла, устало прикрыв глаза:

– Когда поднимаешься на вершину горы, дитя моё, то видишь весь мир, а мир видит тебя. И всем, стоящим внизу, кажется, что это необыкновенно здорово – стоять выше всех. Тебе завидуют, на твоё место хотят попасть, а ты сам готов на всё, лишь бы не допустить этого. Потому что, когда стоишь на вершине, знаешь, с такой высоты есть лишь одна дорога – падение вниз. И это падение смерти подобно. Чтобы этого не случилось, ты готов заплатить любую цену.

Гаитэ слушала очень внимательно. Ей всегда было интересно, как рождается эта неуёмная страсть к власти? Ничего привлекательного для неё самой во власти не было. А Фальконэ будто целого мира мало?

Что движет их бесконечно алчущей, не способной насытиться, натурой? Почему им мало всего, сколько не дай?

– Никто не рождается чудовищем, душенька, никто. И хотя про моих детей, даже про Эффи, говорят, что они прямо из чрева матери выскочили с зубами и когтями, это не правда. Просто им приходится платить ту же цену, что и мне, за возможность остаться на вершине.

Гаитэ не знала, что ответить.

Не знала, должна ли вообще что-то отвечать? Ждут ли от неё этого? К чему эти странные разговоры?

– Выйдя замуж за моего сына, вы войдёте в нашу семью, станете её частью, ещё одним кирпичиком, укрепляющим цитадель. Наши интересы должны стать выше ваших.

Наконец она поняла, куда клонит старый интриган и греховодник, с трудом переводя дыхание от внезапно охватившего её гнева.

– Я поставлю интересы вашей семьи наравне с моими, но стоит ли мне так далеко заходить в своём лицемерии, чтобы объявлять их выше собственных? Вы этому поверите?

– Вольнодумство и дерзость не красят женщину. Я ожидал большего от воспитанницы Святого Ордена.

– Вам не по нраву искренность? Вы же прекрасно понимаете, что, если я сейчас с пеной у рта начну доказывать мою вам преданность – это будет ложью. Откуда такой преданности взяться? Вы уничтожили всю мою семью, всё наше имущество; ваши сыновья ненавидят меня за одно моё происхождение и только одно примиряет их со мной – чувство выгоды и осознание того, что, если что-то пойдёт не так, в любой момент меня можно будет бесцеремонно устранить.

– Подбирайте выражения!

– Я подбираю, – заверила его Гаитэ. – Вчера вечером я имела, нет, не честь, к сожалению, а огромное несчастье столкнуться с тем, кого столь опрометчиво попросила сделать моим мужем. Впечатление, оставленное им, крайне неприятное – настолько неприятное, что участь узницы в темнице уже не кажется такой страшной. Ваши дети необузданные, безнравственные и алчные чудовища...

– Молчать! – прорычал Алонсо, поднимаясь. – Вы, видимо, совсем ума лишились, что смеете так говорить со мной?!

– Я в полном рассудке, ваше величество, – дрожащим голосом проговорила Гаитэ. – Просто я хочу быть честной. Я не могу обещать вам преданности. Я не могу обещать вам отстаивать ваши интересы, если они будут диаметрально противоположны моим.

Алонсо смотрел на неё немигающим, змеиным взглядом:

– Хватит. Я не люблю, когда мне дерзят! Не будь вы женщиной, я бы взыскал за подобную дерзость, но, памятуя о том, кто вы и что у вас действительно может быть повод для недовольства... – Алонсом поморщился. – Сезар говорил, что вчера вы едва не подверглись насилию? Это был Торн?

Мгновение поколебавшись с ответом, Гаитэ спокойно встретила пронзительный, вопрошающий взгляд Алонсона:

– Видимо, Сезар что-то напутал. Ничего подобного я не припомню. Просто вчера немного заблудилась. Здесь так много комнат.

– Ну, и отлично. А в комнатах у вас ещё будет время разобраться, ведь вы останетесь здесь до самой вашей свадьбы. Вашу матушку уведомят о наших планах.

– Сомневаюсь, что она согласится дать родительское благословение.

– Ну, вы недооцениваете силу убеждений. У меня есть парочка аргументов, которые, я надеюсь, сделают нашу неукротимую тигрицу куда более сговорчивой, – перехватив испуганный взгляд Гаитэ, император вскинул руки в примиряющем жесте. – Я помню свои вчерашние

обещания и вовсе не намерен угрожать. Напротив, сделаю выгодное предложение. Если Стелла проявит благоразумие, за свадебным столом мы будем пировать все вместе.

В это слабо верилось. Но о политическом гении Фальконэ тоже ходили легенды, так что – вдруг?

– Душенька, ваше дело развлекаться да хорошеть, чтобы в брачную ночь муж мог сполна насладиться вашей красотой. А все политические и прочие дрызги оставьте нам, старикам. И да, ещё – я бы хотел, чтобы, несмотря на ваше предубеждение против Сезара, вы попытались бы с ним помириться.

– У меня нет предубеждения против Сезара. И ещё вчера мне нравилось думать, что и он относится ко мне вполне дружелюбно, – со вздохом закончила Гаитэ, отодвигая от себя тарелку с едва надкушенным крылышком фазана.

– Лёгким человеком его не назовёшь, – согласился Алонсон. – Что ж? Если вы закончили завтракать, можете идти. Надеюсь слышать ваше имя только в связи с приятными слуху новостями, – сказал он, протягивая руку для поцелуя.

На бледном безымянной пальце, с отлично ухоженным ногтем, красовался перстень с кроваво-алым глазком, прикрывающим почти всю фалангу – знак неограниченной императорской власти, которой невозможно не подчиниться.

Глава 5

Краем глаза Гаитэ заметила тень, порывисто повернулась и оказалась перед лестницей, поднимающейся вверх из внутреннего дворика. Словно зачарованная, она положила руку на мраморные перила, почти до горяча разогретые жарким полуденным солнцем.

Наверху лестницы кружевом возвышалась аркада, казавшаяся смутно знакомой. Где она видела это место? Запах краски и гипса? Отсутствие мебели? С каждой ступенькой чувство, словно Гаитэ бывала здесь раньше, усиливалось, хотя она твёрдо знала, что пришла сюда впервые.

На втором этаже всюду после ремонта валялся мусор: деревянные балки, ведро с засохшей краской, сломанные молотки и мастерки. Тёмный длинный коридор освещался единственным чадающим факелом.

Словно молнией озарило – этот коридор она точно видела, но не наяву, а во сне! Зачарованная этим открытием, потерявшая чувство реальности Гаитэ брела вперёд, будто кто-то невидимый вёл её за руку.

Вот она, та самая дверь!

Едва толкнув её, Гаитэ вздрогнула от скрипа несмазанных петель. С удивлением осмотрела мебель, незамеченную во сне: открытые кофры, разбросанные стулья, полусорванные со стен гобелены. Канделябр с обломанными, оплывшими свечами, наполовину оплетённый паутиной.

А вот и ещё дверь. В точности такая же, как первая, а на ней – глазок.

Мистический страх охватил Гаитэ. С ней давно не было ничего подобного.

«Увижу ли я ту сластолюбивую парочку, что преследовала меня ночью?» – задалась она вопросом. Узнать можно было одним способом – сдвинув металлический кружок с места, чтобы заглянуть в соседнюю комнату.

В ней царил полумрак. Пришлось напрягать зрение, чтобы различить... нет, хвала небесам, не красную кровать и обнажённых любовников, а обыкновенный стол. На столе графины, кубки и большой хрустальный шар, какой часто используют гадалки на ярмарках.

Человек сидел на стуле, а у его ног, согнувшись, стоял другой мужчина и что-то нащупывал у него в паху.

Гаитэ замутила от отвращения, когда она узнала Торна. Неужели и в мужеложстве его тоже обвиняли не зря? Хотелось завизжать и выдавить себе глаза. Ночное видение и то было лучше! Но потом разум отметил не стыковку в общей картинке. Выражение лица Торна отнюдь не напоминало любовный экстаз, а мужчина, стоявший перед ним на коленях, был плешив. В его движениях не наблюдалось ничего возбуждённого, скорее – осторожное, суховато-деловитое, как у врача, осматривающего пациента.

Первое же сорвавшееся слово подтвердило правильность догадки.

– Плохи ваши дела, сударь – скрипящим голосом сообщил коленопреклонённый эскулап. – Очень плохи. Я давно предупреждал, что ваша похотливость до добра не доведёт. И вот, пожалуйста!

Доктор, поднявшись с колен, направился к своим колбочкам и скальпелям, разложенным между мерцающих свечей.

– Это правда, что, якобы, болезнь разрушает мозг? – тихо, низким сдавленным голосом спросил Торн.

– Ну, что вам сказать, сеньор? Разрушение вашего мозга началось задолго до начала болезни. Она скорее следствие, чем причина терзающих вас демонов.

Торн опустил голову. Влажные волосы скрыли выражение его лица.

Доктор всё перебирал и перебирал колбочки на столе, пока не достал тёмную баночку с плотно завинченной крышкой.

– Эту болезнь лечат ртутью, – прокомментировал он свои действия. – Вернее, её солями. Их полагается вдыхать. Использовать можно только малыми дозами, иначе само лекарство убьёт вас раньше, чем недуг. А ещё вам придётся время от времени использовать вот этот скромный предмет.

Доктор продемонстрировал нечто, что Гаитэ с первого взгляда показалось похожим на металлический гвоздь или пипетку.

Торн поднял голову. На красивом лице отразились ярость и отвращение:

– Что это? – прорычал он.

– Сейчас объясню, – кивнул доктор. – Инструмент вводится в ваш детородный орган. Это больно, – услужливо пояснил он для непонятливых. – Потом я нажимаю вот на эту кнопочку, и зонд раскрывается, подобно зонтику.

Гаитэ вздрогнула, когда на конце гвоздика вышло множество маленьких металлических волосков.

Можно было только догадаться, какие эмоции это вызвало у Торна, которому лечебная процедура предназначалась, если её и то в дрожь бросало.

– Затем инструмент извлекается, соскребая и увлекая за собой скопившийся гной, – завершил речь доктор. – Ну что, мой сеньор? Вы готовы?

– Нет, – с кривой усмешкой покачал головой Торн, нервно сглатывая.

Однако он мужественно держался, пока доктор обеззараживал металл. Будь Гаитэ на его месте, у неё бы сейчас, наверное, сейчас истерика случилась.

– Вот, возьмите, – протянул доктор дощечку, обёрнутую войлоком.

Торн взял, с недоумением повертев её в руках.

– Жмите зубами.

Тяжело вздохнув, молодой человек последовал инструкции, используя это весьма своеобразное обезболивающее средство. Эскулап вновь опустился на колени, намереваясь провести все те манипуляции, которые только что озвучил.

Гаитэ оказалась не в силах смотреть на это. Она отпрянула от двери.

Торн пытался держаться, но всем известно, насколько детородный орган мужчин чувствителен к любому воздействию, а тут – такое! Сдавленный, животный крик прокатился по пустынным переходам, заставив Гаитэ убежать.

Стоят ли плотские радости мук? Определённо – нет. Но большинство людей предпочитает над этим не задумываться до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Гаитэ прислонилась к колонне, переводя дыхание. Увиденную сцену никак не удавалось выбросить из головы. Торн словно отпечатался на сетчатке глаза и возникал снова и снова: влажные волосы, страдальческое лицо, голые ноги, белая рубаша, липнущая к телу.

А в голове сквозь тяжёлый туман ужаса формировалась мысль – эта болезнь может дать власть Гаитэ над Торном. По крайней мере, накинуть на него узду, заставить считаться с ней, потому что только она, Гаитэ, способна помочь, заменив малоэффективный зонтик с жестокими усиками на милосердное лечебное средство в форме таблеток и мазей. Гаитэ не сомневалась в успехе. Она избавит Торна от участи разлагающегося живьём, чем неизменно заканчиваются подобного рода недуги, несмотря на целебные пары ртути. А может быть, именно благодаря им.

Ртуть добивает жертву вернее пистолетного выстрела.

Приложив все усилия, чтобы остаться незамеченной, Гаитэ вернулась на ту половину дома, где находились её покои. У дверей опочивальни она столкнулась с двумя служанками. Одна была приставлена к ней Фальконэ, другая – Фейрасом. Третьей в их компании была лисичка Эффидель. Все выглядели встревоженными.

– Сеньорита, где вы были? – набросились они на неё втроем.

– Простите, я снова заблудилась

– В следующей раз берите с собой охрану, – недовольно повела округлым плечиком Эффидель. – Небезопасно блуждать по переходам дворца в одиночестве. Мало ли, что может случиться? Ваши люди и без того предъявляют нам беспочвенные обвинения.

– Мои люди? – нахмурилась Гаитэ. – О чём вы?

– Граф Фейрас и Сорхэ Ксантий прямо сейчас обвиняют моих отца и брата в том, что они, якобы, силой удерживают вас в нашем доме после того, как заманили обманом. Грозят взбунтовать против нас весь город. А вас, как назло, нигде не найти!

– Извините, но я не знала...

– Надеюсь, вы скажите вашим генералам о том, что их подозрения беспочвенны до того, как они открыто объявят нам войну?

– Не сомневайтесь.

***

– Вы заманили несчастную девушку в ловушку! – словно литавры гремел голос Сорхэ Ксантия.

Он забивал слова в воздух, как гвозди, так, что их было слышно издалека.

– Вы опасаетесь за жизнь вашей подопечной, – голос императора был преисполнен терпения и мягкой кротости. – Это делает вам честь. Но повторяю – Гаитэ Рейвдэйл моя гостья. Под крышей нашего дома ей ничего не грозит.

– К сожалению, до сих пор мы так и не смогли увидеть госпожу, что противоречит сказанным словам.

– Я здесь, сеньоры! – впорхнула в зал Гаитэ. – Прошу прощения за то, что, задержавшись, заставила всех волноваться.

Неторопливо приблизившись, она склонилась в реверансе сначала перед императором, потом перед его сыном Сезаром, и только в последнюю очередь приветствовала лордов.

– С чего такая суматоха? Разве вы не получили моего письма, в котором я уведомляла о происходящем? – спросила она их.

– Получали, сеньорита. Но его содержание заставило усомниться в том, что письмо писала дочь вашей матери.

– Его писала герцогиня Рейвдэйльская! – загремел император. – Разве этого недостаточно, чтобы повиноваться? Чего вы добиваетесь? Чтобы вас бросили в острог за дерзость?

– При всём уважении, титул герцогини Рэйва принадлежит Стелле до тех пор, как бьётся сердце в её груди. Мы надеялись...

– Я отлично знаю, на что вы надеялись. Вы! – палец императора обвинительным жестом нацелился в лицо непокорным лордам. – Вы рассчитывали вновь найти повод для продолжения войны. Не отпирайтесь! Нам отлично известно, какую службу вы несли при Тигрице с Гор – вы были первым лицом в её армии! Именно вам мы обязаны всеми волнениями, что пришлось претерпеть за последние месяцы. И вы ещё осмеливаетесь появиться перед нашими очами? Да ещё сыпать обвинениями?

– Ваше Величество...

– После измены, в которой повинна эта женщина, вы смеете чтить её госпожой? Да она не имеет никаких прав! Ни на что! Слышите?! И лишь моей великой милостью девочка, что стоит сейчас перед вами, может претендовать на земли своих предков!

– Ваше Величество...

– Посмейте перебить меня ещё раз, и я велю отрубить вам голову, как смутьяну и изменщику, коим вы, сеньор, и являетесь. Если потребуют обстоятельства, если не прекратите ваши бунтарские речи, вы вынудите меня отдать приказ о казни Стеллы Рэйв, после чего ни у кого в Саркагоре не останется сомнений в том, кто истинная герцогиня Рейвская!

Гаитэ вздрогнула, с тревогой вглядываясь в лицо императора в надежде понять, насколько серьёзно им сказанное.

– У этой юной особы хватило разума на то, что до сих пор никак не возьмут в толк мудрые мужи вроде вас: война не может и не должна длиться вечно. Все жаждут мира. Любой ценой. И есть два пути положить конец этому безумию. Либо полное уничтожение всех побегов на Рейвдолском древе, либо... – император обвёл взглядом присутствующих, – либо объединиться, тем самым положив вражде конец. Свадьба – чем не отличный повод поставить точку в кровавом противостоянии? Именно так мы и поступим. Именно так искореним застоявшийся очаг зла.

Фейрас и Сорхэ Ксантий переглянулись между собой, бледные от бессильного гнева.

– Закон запрещает принуждать девушку высокого положения к замужеству, которому противится её сердце, – пророкотал Сорхэ.

– Душенька, – поманил пальцем Алонсон, обращаясь к Гаити. – Подойди.

Она подчинилась.

– Скажи этим господам, повинен ли я в том грехе, в котором они столь несправедливо меня обвиняют?

– Нет, ваше величество, – не минуты не колеблясь, твёрдо отчеканила Гаитэ. – Я говорила ранее и повторяюсь при свидетелях, что согласна на брак с вашим сыном, Торном Фальконэ. Уверяю, что решение исходит из моего сердца, без всякого принуждения или угроз с чьей-либо стороны. Так же заверяю благородных лордов в том, что прибываю под покровительством Вашего Величества по доброй воле и готова подтвердить мои слова хоть под присягой.

– Отлично, – довольно улыбнулся Алонсон, расслабленно откидываясь на высокую спинку кресла. – Вы слышали, лорды? Можете возвращаться к себе И вы, сеньорита, тоже.

– Ваше Величество, – Гаитэ отступила, намереваясь воспользоваться полученным разрешением, однако Сорхэ Ксантий, гневно сверкая глазами, забывшись, сделал шаг вперёд:

– Какими пытками и угрозами вы заставили бедную девочку предать свои интересы и замарать великий подвиг её матери?

Сезар выразительно положив руку на эфес меч:

– Великий подвиг? – его смех звенел, как ударяющая сталь. – Проиграть всё из-за неумения вовремя признать силу противника теперь называется именно так? Хотя, нужно отдать даме должное, собственный замок она обороняла куда лучше, чем честь.

Сорхэ побагровел от ярости. Было такое чувство, что эти оба схватятся за оружие прямо здесь.

– Довольно! Прекратите ссору, – приказал император. – Сезар! Извинись перед герцогом Ксантием за то, что посмел оскорбить герцогиню Рейвдолскую.

– Но отец...

– Немедленно.

Белый от ярости, как полотно, Сезар, тем не менее, подчинился, тихо произнося: «Прошу прощения за мою несдержанность», – голосом, зажатым, как кулак.

– Лорд Ксантий? Граф Фейрас? Вы принимаете извинения Сезара?

– Безусловно, – кивнули оба.

Гаитэ, воспользовавшись секундной передышкой в словесной дуэли, поспешила покинуть зал.

Добравшись до комнаты, заперлась, радуясь, что может уединиться хотя бы и ненадолго, но в дверь сразу же постучали.

Отворив, Гаитэ обнаружила, что Эффидель по-прежнему не торопилась вернуться к мужу.

– Ты мчалась по переходам дворца так быстро, что я за тобой не успевала, – жизнерадостно сообщила девушка, бочком просачиваясь в комнату, как бы между прочим, позабыв, испросить разрешение войти.

Будь на месте Рыжика кто-то другой, Гаитэ бы наверняка рассердилась, но настолько же, насколько братья Фальконэ казались невыносимыми, настолько же их сестра была очаровательна. Сердиться на неё не получалось.

– Ты была такой смелой, когда говорила с этими грозными мужчинами, – захихикала Эффидель, зажимая рот ладошкой. – Я думала, что ты с ними заодно, а ты, оказывается, наш друг? И очень рада этому! Я бы хотела, чтобы мы с тобой по-настоящему подружились, но с женщинами так трудно ладить. С мужчинами это гораздо проще, правда?

Гаитэ не знала, что ответить. В монастыре она привыкла к женскому обществу и все, кому до сих пор случалось доверять, тоже были женщинами. Мужской мир, с его напором, коварством, необузданностью, непомерными амбициями и страстями скорее пугал и отталкивал, чем привлекал.

– Меня окружают одни служанки, – посетовала Эффи, – а общаться со слугами это ведь не одно и то же, что с ровней? Правда, иногда приходится проводить время с папиной любовницей, но это ещё хуже, чем с прислугой. Те хотя бы просто пресмыкаются, а эта прикидывается другом, но на самом деле ненавидит меня. Ведь папочка любит меня сильнее, чем её. Но ты ведь не станешь меня ненавидеть, когда выйдешь замуж за Торна? – заглянула Эффи в глаза Гаитэ с детской непосредственностью.

– Если ты постараться полюбить меня, я отвечу тем же, – пообещала Гаитэ.

Эффидель прошлась по комнате, делая вид, что рассматривает роспись на стенах, изображающих единорогов и дев, кустистые рощи и белые курчавые облака под потолком.

– Тебе нравятся твои покои? – спросила она.

– Нравятся, – кивнула Гаитэ.

– Они лучше тех, что были у тебя раньше?

Гаитэ усмехнулась, вспоминая унылую келью, размером меньше шкафа в этой комнате, продуваемую всеми ветрами и заливаемую дождём.

– Гораздо.

– А я слышала, что Рейвдэйлы богаче нас?

– Мать предпочитала воспитывать меня в строгости, поэтому фамильные богатства мало влияли на мой образ жизни.

У Эффидель, кажется, был талант наступать на больные мозоли.

– Торн правда на тебе женится? – спросила она после небольшой паузы. – Он ведь ужасно привередлив и чванлив. И весьма щепетилён в выборе жён. Папочка уже несколько раз договаривался о его свадьбе, но каждый раз, в самый последний момент, свадьба расстраивалась. И всё из-за Торна! То невеста казалась ему недостаточно знатной, то недостаточно красивой. Вы, конечно, очень красивая, но, откровенно говоря, ваша красота не во вкусе моего брата. Он любит всё кричащее и безвкусное. Ему нравится, когда у женщины вот такая грудь, – девушка со смехом выставила руки перед собой чуть ли не на всю длину, – и вот такая попа. Торн всегда предпочитал женщин попроще, без заморочек, как он любит говорить. Для него даже я порой кажусь слишком сложной.

Слова Эффи заделали Гаитэ за живое, обидев.

– Да имей я возможность выбрать мужа по сердцу, – сказала Гаитэ, – в свой черёд, предпочла бы найти в спутнике жизни совсем другие качества, чем у вашего брата.

– Торн вам не нравится? – удивилась Эффидель. – Странно! Все женщины, которых я знала, рано или поздно влюблялись в моих братьев. Разве он не красив?

– Не берусь судить. Да и какая разница? В династических браках важны не я, не он и не наши вкусы. Даже если нас обоих будет друг от друга с души воротить, ничего это не изменит.

– Ну я бы так не сказала! Торн слишком своеволен и самолюбив, если он решит, что вы ему не нравитесь, даже папочка не сумеет его убедить жениться на вас. И никакое чувство долга тут не поможет.

– Думаю, ваш брат женится на мне. Уверена в этом.

– Хорошо, если так. Но, знаете, если даже заартачится – не огорчайтесь. Для вас же будет лучше. Если бы невестой была бы я, я бы из двух братьев Фальконэ выбрала Сезара.

– Ваш брат Сезар уже женат.

– Брат как-то мне обмолвился, что его брак не консумирован. Так что его легко можно расторгнуть.

Безмятежное выражение, застывшее на фарфоровом личике Эффидель, наводило на мысль, что разговор не случаен. Уж не нарочно ли Сезар подослал к ней эту рыжую лису?

– Вы молчите? – голосом капризного ребёнка потянула Эффи.

– Я должна что-то ответить?

– Просто подумайте о таком варианте. Сезар лучше относится к женщинам, чем Торн. Он добрее, не так любвеобилен. С ним вы могли бы быть гораздо счастливее.

– Мне безразлично, за кого из ваших братьев выходить замуж, – с наигранным спокойствием оповестила Гаитэ. – Я не повторю ошибку моей матери, не проявлю своеволия – сделаю то, как велит ваш отец. Скажет пойти за Торна – пойду за Торна, отдаст за Сезара – выйду за него.

– Разве не грешно так говорить? – насупилась Гаитэ.

– Грешно лгать, а я говорю правду.

– Значит, против Сезара вы ничего не имеете?

– Он убил моего брата, а мою мать посадил на цепь. Он принёс клятвы своей жене, женившись на ней по политическим расчётам, а теперь, не колеблясь, готов нарушить их, потому что видит перед собой новые выгоды за другим политическим союзом. Как вы думаете, какие чувства это у меня вызывает?

– Я не знаю. Скажите.

– Ваш брат умён, беспринципен и силен. В какой-то степени он вызывает восхищение, но, с другой стороны, отвратителен.

Кукольное личико застыло. За приторной напускной детскостью проступили совсем другие черты. Удивительно, но Гаитэ это не оттолкнуло. Это нормально – любить своих близких и оставаться на их стороне, часто даже в ущерб справедливости. Большинство людей поступают именно так.

– Мой отец всегда всё самое лучшее отдаёт Торну. Хотя Сезар завоевал ваши земли, их корона достанется не ему! – притопнула маленькой ножкой принцесса. – По-вашему, это справедливо?

Вот что значит ещё ребёнок! Или фамильная кровь Фальконэ настолько горяча, что их истинные страсти прорываются через любые маски?

– Хотите правду? – Гаитэ заглянула в горящие негодованием лисьи глаза. – Мне всё равно, справедливо или нет, мне всё равно, Торн или Сезар. Я просто хочу выжить!

– Вы отвратительны! – снова притопнула ножкой Эффидель гневливо. – Вы порочны! Вы даже не пытаетесь соблюсти приличия! Прямо говорите, что для вас не существует любви, а есть только расчёт и жажда собственной выгоды!

– Если бы я сказала, что люблю Торна до безумия и потери сознания, я была бы менее отвратительной и порочной? – не удержавшись, Гаитэ рассмеялась. – Как понимаю, ваше предположение дружбы вы забираете обратно? Только потому, что я не стала вам льстить?

– Не знаю. Может быть, мы всё же ещё подружимся, – передёрнула плечиками Эффи.

Глава 6

Шаг к взаимопониманию девушки сделали очень быстро.

– Скажи, как я выгляжу? – вертясь перед зеркалом, спросила Гаитэ.

– С чего такой вопрос? – удивилась Эффидель.

– Собираюсь нанести визит моему жениху, твоему брату. Хотелось бы, чтобы первое впечатление было как можно лучше.

– Тогда распусти волосы.

– Распустить? Зачем?

– Они у тебя такие красивые, немилосердно стягивать их в узел вокруг лица. Ну-ка, присядь.

Не без сомнений Гаитэ отдалась в руки Эффи, но, как вскоре убедилась, не зря. Волосы под умелыми руками покорно приняли задуманную Лисичкой форму, выгодно подчёркивая точёные черты Гаитэ, делая лицо мягче и женственней.

– Так и вправду лучше, – поблагодарила она.

– Пойдём, провожу, – предложила Эффидель. – Возможно, моё присутствие заставит Торна вести себя сдержанней?

– Проводи.

Гаитэ не видела причин отказываться от помощи.

– Со мной путь будет короче, правда? – улыбнулась Эффи и на мягких щеках заиграли игривые ямочки. – Идём, сестра. Я ведь могу называть тебя так, правда? За кого бы из братьев ты не вышла замуж, мы всё равно породнимся?

– Надеюсь на это.

– Вот и пришли – покои Торна перед тобой. Даст бог тебе терпенья с ним, нрав у него тяжёлый. Особенно теперь, когда излишествами он довёл себя до крайности.

Из полумрака так внезапно вынырнула фигура, что Гаитэ остановилась, прижимая руку к невольно заколотившемуся от испуга сердцу.

– Слуга моего брата, – представила Эффидель, – Маркелло.

– Сеньориты, вас не ждали, – проговорил мужчина мрачным голосом.

– Конечно, не ждали. Мы без предупреждения. Папочка пожелал, чтобы брат познакомился со своей невестой, герцогиней Ревиндэйлской.

Маркелло вклинился между девушками и дверью:

– При всём уважении, – пробормотал он, – не думаю, чтобы господин принял вас.

Но Эффи не собиралась отступать. Вскинув голову, напустив на себя самый властный вид, она высокомерно молвила:

– Ты всего лишь слуга и не тебе решать, желает ли мой брат видеть меня или нет. Если он против нашего визита, пусть сам скажет об этом! А сейчас – немедленно отойди в сторону.

– Как прикажете, госпожа.

Эффи, подхватив Гаитэ под руку и подвела её к двойным дверям.

– Как думаешь, что с ним не так? – шёпотом затараторила Лисичка. – Торн болен? Или, что куда более вероятно, снова пьян? Будь с ним поосторожней.

– Хорошо, – пообещала Гаитэ.

Эффи заколотила в дверь.

– Торн, это я, – не допускающим возражения голосом позвала она. – Впусти меня!

Ответа не было.

Гаитэ расслабилась, с облегчением подумав, что встреча не состоится, и тут ключ в замке провернулся. Дверь приоткрылась. Эффи тем же манером, каким обычно проскальзывала к Гаитэ, просочилась в образовавшуюся щель. Гаитэ – за ней.

В комнате было темно. Плотными гардинами Торн устроил в ней искусственную полночь, посреди которой он, в своей белой рубашке, висевшей мешком, походил на полупрозрачный призрак.

– Какого чёрта ты сюда явилась? Что надо?

Голос его звучал глухо и ровно.

– Папочка попросил зайти, – высоким сладким голосом пропела Эффи. – Он очень беспокоится за тебя. Считает, что ты болен. Ты только посмотри на себя!

Эффидель хотела взять Торна за руку, но тот резко дёрнулся, избегая её прикосновения.

– Да ты весь горишь, – воскликнула девушка. – Тебя лихорадит!

– Ерунда, – нервно дёрнул он головой. – Просто подцепил простуду. Скоро пройдет.

Ненужно было быть лекарем, чтобы распознать ложь. Расшнурованный ворот рубашки промок от пота и лип к груди так, словно Торн только что вымылся и оделся, не вытираясь.

– Брат, тебе лучше лечь, – запричитала Эффи. – Нужно немедленно позвать врача.

– Да не суетись ты! Я уже его звал и принимаю поганое лекарство.

Заметив Гаитэ, беззвучно стоявшую в дверях, Торн нахмурился, распрямляя плечи:

– Это ещё кто с тобой?

Взгляд его поначалу словно вскользь мазнул по Гаитэ, но тут же вновь вернулся задержавшись.

В нём читалось узнавание:

– О! Да гостя не нуждается в представлении. Герцогиня Рэйвская, если не ошибаюсь?

От сухого грубого смеха мороз продрал по коже.

– Конечно же, я не ошибаюсь. Это с вами мы довольно близко познакомились на днях? Что ж вы сразу-то своего имени не назвали?

– Вот что за бред ты сейчас несёшь? – всплеснула руками Эффидель, но Гаитэ отметила, что глаза у Лисички острые, пытливые, ничего не упускающие.

Господи, помоги ей, Гаитэ, дай терпения с этим семейством. И помоги накинуть узду на этого одичалого жеребца! С чего только она взяла, что сможет справиться с ним?

«С того, что выбора изначально не было», – напомнила она себе.

– Прости, сестра, – по бледному лицу Торна снова скользнула усмешка. – Но так неожиданно оказаться помолвленным для меня не совсем приятный сюрприз. Вернее сказать, совсем неприятным. Вот я и занемог.

– Не понимаю, почему? – с наигранным, показным возмущением проговорила Эффи. – Гаитэ красива и знатного рода. Чем тебе быть недовольным?

В сумеречном свете затемнённой комнаты казалось, что глаза Торна залиты сплошным мраком, будто ярость поглотила его зрачки.

А Эффидель продолжала читать нотацию:

– Сделай так, как хочет папочка, пока кое-кто другой не поспешил выполнить его желания за тебя.

Стоило Эффидели закончить фразу, как Торн уставился на неё с таким выражением, что Гаитэ всерьёз начала беспокоиться, как бы он не ударил свою, не в меру болтливую, младшую сестрёнку.

– Госпожа, не могли бы вы оставить нас? – поспешила Гаитэ вмешаться, чтобы разрядить ситуацию. – Я хотела бы переговорить с вашим братом наедине.

Эффидель охотно выполнила желание подруги.

Взглянув на Торна, Гаитэ с трудом сдержала дрожь. Он казался таким громадным! Просто башня, сплетённая их твёрдых мышц и сухожилий. А какой ледяной взгляд? Нет, нельзя показывать, что она боится. Страх лишь спровоцирует новый конфликт.

– Тебе так не терпится попасть в мои жаркие объятия, женщина, что ты сама заявляешься, не дожидаясь официальных представлений? – с сарказмом процедил Торн.

– Я пришла потому, что считаю, что нам необходимо поговорить наедине.

В ответ раздался грубый издевательский смех:

– «Нам необходимо поговорить наедине», – передразнил он её. – О чём мне говорить с тобой, Тигриное отродье? Нужно было свернуть твою шею ещё в прошлую встречу и разом освободиться от твоей навязчивой персоны.

– Крайне неразумное решение, – твёрдо глядя в его одичалые глаза, произнесла Гаитэ. – Это лишь подбросило бы дров в костёр, что ваш отец пытается погасить и...

Он схватил её за плечи, сжимая их до боли:

– Прийти сюда с твоей стороны было глупо. Приезжать – глупо. Весь этот фарс с нашей свадьбой – сплошной идиотизм!

Самообладание Гаитэ тоже дало трещину:

– Что вы себе позволяете? Да если бы не обстоятельства, я бы предпочла любого другого лорда в Саркагоре, лишь бы это были не вы! Но только так я могу спастись сама и спасти моих людей – выйдя за вас замуж! Очень жаль, что ваш брат уже женат. Он-то не такой грубиян, как вы.

При упоминании брата Торн зарычал как дикий зверь. Судорога дикой ярости прошла по его лицу и... бесследно исчезла. Оно вновь приняло спокойное, безмятежное выражение.

– Я понимаю, – кивнул Торн. – Всё это я успел выслушать от отца несколько раз: свадьба Фальконэ и Рэйвдэйлов равняется миру. Что ж? Вынужден признать, во всём этом есть определённый смысл.

Гаитэ была удивлена тем, с какой быстротой у Торна поменялось настроение. Впрочем, это могло быть лишь следствием издёвки. Вероятнее всего, именно издёвкой это и было.

Скользнув от плеча к кисти, его рука сжала ладонь Гаитэ. Она была горячая, как раскалённая печка. Подтащив к кровати, он толкнул Гаитэ на неё:

– Пожалуйста, сядь.

Она вырвала руку, глядя возмущённо и испуганно:

– Сесть на вашу кровать?

– Я прошу вежливо, – всё та же злобная усмешка продолжала искажать его лицо. – Сядь! – прозвучало уже как приказ.

А ещё так, словно он втайне надеялся, что Гаитэ станет сопротивляться, тем самым дав ему право высвободить всех, просящихся на волю, демонов.

Гаитэ не стала его провоцировать. Она медленно села на кровать, с тревогой наблюдая за тем, как Торн запирает дверь на ключ. Как, крадучись, словно кошка, он быстро возвращается назад.

Отерев рукой блестящие бисеринки пота со лба, он опустился на корточки рядом.

– Когда мы с Сезаром были детьми, – произнёс Торн, – начали одну увлекательную игру. Знаешь, как она называется?

Гаитэ помотала головой в знак отрицания.

Торн улыбнулся ядовитой улыбкой:

– Соперничество. Это игра называется «соперничество». Видишь ли? Мы братья лишь по крови, но не по духу. Мы никогда не были с Сезаром близки. Наши бесконечные ссоры портили жизнь всем вокруг: родителям, слугам, сестре, просто случайным, не вовремя повернувшимся под руку, людям. Мы постоянно проверяли, кто из нас сильнее. Сначала дрались на простых палках, с годами перешли на мечи. Сначала матери, потом оруженосцам не раз и не два приходилось разнимать нас. Отец всю жизнь пытался установить между мной и Сезаром неустойчивое перемирие, но даже он не в силах унять нашу вражду, что с годами лишь крепнет. Несмотря на то, что мы оба вышли из одного чрева, мы чужаки, несовместимые во всём. Сезар всегда хотел занять моё место – получить мои доспехи, мои земли, поиметь моих

женщин. Ему мало того, что предназначено ему – он хочет моё. Чтобы мне не предназначалось это сразу же становится для него желанным.

Взгляд Торна медленно скользнул по фигуре Гаитэ.

– Даже если мне это не так уж и нужно – всё равно хочет. Годы идут, а детская игра не заканчивается. Лишь повышаются ставки.

Он казался больным, но его реакции, воспитанные войной и насилием, были молниеносными. Стремительно схватив Гаитэ за руки, он рывком завёл их над её головой, нарочно причиняя боль. От неожиданности она не смогла удержаться и вскрикнула, что явно ему пришлось только по вкусу:

– Эта мелкая гадина, моя драгоценная младшая сестрёнка, всегда бежит за Сезаром, словно сучка во время течки. Она готова ради него на всё. Скажи, Эффи уже подкатывала к тебе с разговорами о том, какой хороший Сезар и какой нехороший я?

– Пусти меня!

– Говори, – холодно требовал он.

– Перестань! Какие ответы ты хочешь от меня получить? Да какая разница, что мне предлагают Сезар или Эффи, если сам ты спишь и видишь, как от меня отделаться?

Его пальцы впились ей в подбородок, не давая возможности отвернуться от его жестоких глаз и приближающихся губ:

– А ты так рвёшься за меня замуж? – хохотнул он.

– Нет!

– Тебе всё равно? Что один брат? Что другой? Да?

– Да!

– И ты не хочешь ни одного из нас?

– Нет!

– Лгунья!

Гаитэ разозлилась:

– Вы оба – жестокие, бессердечные ублюдки! Ты ещё и с гнилым нутром! Кем нужно быть, чтобы желать тебя?!

Одним стремительным рывком Торн бросил её на кровать, упав сверху, прижимая всем телом.

– Повтори, что ты сказала?! Ну?!

– Пусти! Я закричу! Я буду звать на помощь! Это безбожно, зная о таком недуге, как у вас, вести себя подобным образом, обрекая других на те же муки!

Торн приподнялся на локтях, по-прежнему нависая над Гаитэ. Его тигриные глаза светились угрожающим, опасным светом.

– Как ты узнала? – тяжело дыша, прорычал он.

– О твоей болезни? Это несложно. Я ведь была не просто послушницей в монастыре – я исполняла обязанности Белого Лекаря. Так что признаки данного недуга мне так же хорошо известны, как признаки чумы или холеры.

– И, зная о моей позорной, хуже того, заразной болезни, ты согласилась выйти за меня замуж? – зло рассмеялся он. – Надеешься, что не дотяну до первой брачной ночи?

– Есть средство, что предохранит меня от заражения. Скажу больше, я и тебя могу исцелить. По-настоящему. Не так, как это делают лекари и шарлатаны.

– И ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

– А что ты теряешь, поверив? Если у меня не получится, вернуться к чудовищной хирургии и ртутным парам, всегда ведь успеешь?

– От этой болезни нет других методов.

– Есть, – уверенно заявила Гаитэ. – Из-за определённой специфичности мой метод невозможно распространить широко, но для друзей и близких моей жизненной энергии хватит.

Слово даю, не пройдёт и месяца, как будешь здоров. При условии, конечно, что станешь выполнять абсолютно все мои указания. Но в ответ за мою услуги я тоже кое о чём тебя попрошу.

– О чём же? Давайте, назначайте цену. Во сколько вы ставите ваши услуги, сеньорита?

– А во сколько вы оцениваете собственную жизнь, сеньор? – фыркнула она в ответ. – По мне, так любая стоит не дёшево, но если чужие жизни для вас, Фальконэ, как камни под ногами, то свои-то собственные вы цените? Ваш лекарь уже успел рассказать о последствиях, ждущих вас впереди? Болезнь уродует и калечит всех, вне зависимости от социального статуса. Сначала ваше лицо станут есть язвы, потом возникнут проблемы с речью, глотанием, дыханием. И, наконец, она доберётся до ваших внутренностей, до самых костей...

– Назовите цену, – презрительно сощурился Торн.

– В обмен на твою жизнь я хочу свою.

– Не понимаю?..

– Рядом с вами я не чувствую себя в безопасности.

– Почему же?

Его издевательская улыбка стала ещё шире.

– Потому, что вы не берёте на себя труда сдерживать ваши порывы, а это может наполнить мою жизнь отнюдь не самыми приятными сюрпризами, – с иронией проговорила Гаитэ. – Я не хочу терять себя, свой душевный покой. Из-за затворнической жизни, что меня вынудили вести, мой опыт общения с мужчинами не богат, но и его вполне достаточно, чтобы понять – вы из тех, кто смотрит на женщину сверху вниз.

– Я по-прежнему не понимаю.

– Так вы не желаете понимать! Ну так я выскажусь напрямую! Я спасу вашу жалкую, никчёмную жизнь, а вы, в свой черёд, дадите мне слово, что никогда не будете обходиться со мной так, как привыкли это делать со своими шлюхами. Никогда не поднимете на меня руку так, как сделали это в нашу первую встречу или сейчас. Станете уважать мои чувства, считаться с моими желаниями...

Торн усмехнулся, но усмешка не задела янтарных глаз. В чертах его лица Гаитэ чудился намёк на нечто непристойное. Указательным пальцем он провёл по её горлу, отодвигая кружевную шемизетку в сторону.

Гаитэ стиснула зубы, заставляя себя лежать смирно, неподвижно, и глядеть ему прямо в глаза. Она ещё надеялась избежать обострения конфликта, не желала бросать открытый вызов. Но при одной мысли, что *это* может продолжиться, пересыхало во рту.

– Итак, моя жалкая ничтожная жизнь в обмен на твою? – проговорил он, продолжая щуриться. – Я оказываю тебе уважение – ты избавляешь меня от последствия моего слишком легкомысленного отношения к жизни? Так?

– Так, – подтвердила Гаитэ, перехватив его ладонь и удерживая в своей руке.

Торн усмехнулся, ложась на неё сверху. Их тела полностью соприкоснулись. Благо, хоть одежды была препятствием. Хотя – достаточным ли?

– Ваше поведение означает – «нет»? – вопросительно приподняла бровь Гаитэ, изо всех сил стараясь не терять самообладания.

– Не бойся, так не заразишься, – прошипел он насмешливо и одновременно зло, как рассерженный кот. – И даже так.

Он крепче прижал её к себе, заставляя Гаитэ чувствовать его напряжённые мускулы под ладонями. Она безрезультатно стремилась его оттолкнуть, изо всех сил упираясь руками ему в широкие плечи.

– Пустите! Мы же договорились!

– Договорились о том, что я не причиню тебе вреда, не оскорблю и не унижу, – насмешливо прошептал он ей в ухо, обжигая горячим дыханием. – Но я ничего такого и не делаю.

Его руки огладили её талию, словно холку породистой лошади.

– От поцелуя моя болезнь не передастся. Сама же знаешь?

– Нет у меня никакого желания целоваться!

– Зато такое желание есть у меня. Как твой будущий муж я хочу попробовать, каковы на вкус эти губы.

– Нет!

Её протест мало кого волновал, заботил или трогал. Торн прижался своими губами к губам Гаитэ. Язык взыскующе проникал в её рот.

Гаитэ пыталась противиться, но он был силён, как бык – хватка была железной, плечи крепкими, как слоновая кость. И в то же время податливыми и гладкими, на ощупь – как шёлк.

Желание, неожиданно просочившиеся в кровь, стало для Гаитэ открытием. Она считала себе не способной на подобные чувства. Она вообще не думала, что нечто подобное существует, и что страсть может поработать тело до такой степени, что разум теряет контроль над ситуацией.

Её тело желало его – грубого, жёсткого, прогнившего насквозь душой и загнивающего телом.

Ну как такое вообще могло быть?!

Собрав волю в кулак, Гаитэ всё-таки оттолкнула его от себя. Хватая ртом воздух, отползла на другой конец кровати, подальше.

– Как это понимать? – разъярённо прорычала она. – Это отказ или вызов?

– Не то и не другое, – рассмеялся он. – Иногда поцелуй это просто поцелуй и ничего больше.

– Отлично! – кивнула Гаитэ.

Её взгляд, против её воли, скользил по его взмокшей рубашке, прозрачной настолько, что та не скрывала ни длинной шеи, ни тёмной тени растительности на широкой груди, ни розовых камешек, темнеющих под материей, сосков.

Она впервые сталкивалась с тем, как трудно глядеть полуобнажённому человеку в лицо – взгляд то и дело норовит соскользнуть куда-то в другую сторону.

– Отлично? – с усмешкой кивнул он, не сводя с неё глаз. – Пожалуй, соглашусь с твоей оценкой. Правда неплохо.

Гаитэ не знала, смеяться ей или плакать?

Она-то думала, что отличается от толпы бессмысленной, как стайка бабочек-однодневок, легкомысленных женщин, всегда увивающейся вокруг таких мужчин, как Торн.

Но хватило неделю под этой крышей, чтобы в сердце бурным цветом расцвело горячее безумие.

Что же будет дальше?

Глава 7

В стараниях предать своей семье блеск Алонсон не жалел расходов. Всё вокруг сверкало золотом, от фресок до одежд, когда, рука об руку с Эффидель, Гаитэ двигалась через пышно убранные коридоры, мимо стражников, выстроенных по обе стороны по ранжиру.

Служанки несли за ними шлейф, чтобы тот не волочился по полу, похожий на дохлую змею.

– Жаль, нельзя сделать ещё пару кругов по залу, оттягивая неизбежное, – вздохнула Эффи.

– Ты это о чём?

– Я это о муже! Вот и он, – тяжело вздохнула Лисичка.

Гаитэ не могла понять печали императорской дочки. Да, муж Эффи выглядел обыкновенным: был не высоким, не низким; ни красавцем, ни уродом. Просватай родня за такого Гаитэ, она, наверное, была бы довольна жизнью?

Жозэ Рокор, принц Веапорский, встав в центре, между девушками, взял их за руки и, согласно этикету, повёл вперёд.

Император Алансон сидел на троне, установленном в центре зала на возвышении. Его алая мантия, отделанная золотой нитью, была приметна издалека. На ступеньках перед Его Императорским Величеством лежали цветные подушки. Именно на них девушки и устроились.

Гости продолжали прибывать, заполняя пространство в хаотичном порядке. Церемоний-мейстер выкрикивал всё новые и новые имена.

Когда все собрались, Алонсон официально представил Гаитэ как главу дома Рейвдэлов, огласив помолвку между ней и своим сыном.

Новость встретили аплодисментами. Если кому-то и показалось странным, что жених отсутствует во время оглашения, никто вслух об этом не говорил. Императорские незаконнорожденные сыновья позволяли себе много вольностей, куда более опасных, чем простое пренебрежение правилами приличия. Подчёркнутое неуважение к будущей жене со стороны Торна никого не удивило, за исключением её самой.

Гаитэ старалась не показывать вида, но в глубине сердца болезненно восприняла подобное унижение. У них с Торном был договор. Стоило ли его отсутствие воспринимать как несоглашение? Или, привыкший к тому, что ему всё сходит с рук, он плевать хотел на её условия? А если так, стоит ли ей выполнять свою часть?

Самое отвратительное, у Гаитэ практически не было выбора. Конечно, можно оставить всё, как есть, но тогда есть все шансы на то, что рано или поздно лечиться придётся самой.

После официальной части торжеств начался праздничный ужин. Столы накрыли в соседнем зале, украсив дорогой посудой из тончайшего фарфора, живыми цветами и серебряными подсвечниками. Застолье показалось Гаитэ, привыкшей к воздержанному приёму пищи, бесконечным. Жареная дичь и окорока, кабанина, оленина, горы свежих салатов и фруктов – всё это заливалось кувшинами вина. Чем дольше гости поглощали яства и вино, тем громче и неприятнее звучал их смех.

Ни один из императорских сыновей так и не появился среди гостей, а без них Гаитэ заскучала. Все эти надушенные, разряженные господа казались безжизненными куклами.

– Постарайся не выглядеть такой печальной, – пробормотала Эффидель, сочувственно пожимая подруге руку.

Заиграла музыка. Запели мелодичные скрипки, их поддержали флейты и лютни. На небольшой помост поднялись актёры в белом, чьи головы закрывали великолепные уборы и маски, изображающие мифических животных.

Началось представление.

По сюжету одна из балерин изображала невинную деву, приручающую единорога, которого, как известно, способна укротить только девственница.

Артист, исполнявший роль единорога, была великолепен. Атласные тёмные рейтузы обтягивали его стройные бёдра и тонкую талию как вторая кожа, свободная белая рубаша запахнулась на груди. Острый позолоченный рог, украшенный бриллиантами, торчал из середины лба на маске, полностью покрывающей голову.

Единорог выделял ногами пируэты. Балерина в вихре юбок кружилась вокруг зверя и, когда её рука игриво прошла вдоль острого нароста, в зале раздались сдавленные смешки – слишком много неприкрытого эротизма присутствовало в этом движении.

Наклонив голову, словно бык, готовый к нападению, агрессивно и напористо, в то же время со страстью, свойственной разве лесного духу похоти, единорог завертелся вокруг девушки, но, неожиданно сделав резкий выпад, вытянул руку вперёд, бросая букет цветов Эффидели.

Польщённая таким вниманием со стороны красивого танцора, Лисичка зарделась, как маков цвет, принимая подарок.

Гаитэ покосилась на Жозе Рокора. Но тот, если и заметил наглую выходку артиста, никак этого не показал, продолжая улыбаться и постукивать пальцами по кубку с вином в такт мелодии.

Вернувшись к партнёрше, единорог обхватил её за талию и, выходя за рамки приличия, поцеловал в шею долгим поцелуем. Глаза его сверкали в прорезях маски и, со странной смесью чувств, Гаитэ поняла, что он смотрит прямо на неё.

Закончился танец более, чем пристойно. Целомудренно соединив руки, Зверь и Дева покружились, и он преклонил колено. Так Сила в очередной раз сдалась в плен Красоте.

– Тост! – вскинув руку, лёгким движением поднимаясь на ноги, провозгласил Единорог. – За прекрасную невесту! – склонился он перед Эффидель в изысканном, элегантном поклоне.

– За прекрасную невесту! – прогремело по всему залу. – Салют!

– А теперь – бал! – спрыгнув со сцены с тигриным проворством, Единорог стремительно направился в сторону Гаидэ. – Окажите честь, откройте его со мной? – протянул он ладонь ей.

– Это невозможно. На императорском балу только особы королевских кровей достойны подобной чести.

Резким движением сдвинув маску, танцор открыл лицо с густо подведёнными чёрными глазами. Краска придавала оттенок опасной порочности красивому лицу.

– Сезар? – удивлённо отёрнула Гаитэ руку от протянутой к ней ладони. – Единорога играли вы?

– Надеюсь, не разочаровал вас в этой роли?

Приблизив лицо, он заговорил тихим, бархатным голосом:

– Как известно, единорога способна приручить только девственница. Такая, как вы, – с усмешкой он провёл по ней взглядом почти так осязаемо, словно рукой.

– Но у меня нет намерения приручать животных!

– Возможно, некоторым животным удастся изменить ваше намерения?

Сезар, не принимая отказа, потянул девушку за собой на середину зала. Сопротивляться означало вызвать скандал – глаза всех присутствующих были прикованы к ним двоим.

Проходя мимо брошенного актёрского реквизита, Сезар сорвал с себя маску, отбрасывая её в сторону.

Гаитэ видела, как помрачнело лицо Алонсо и как засветилось от любопытства и одобрения личико Эффидель. Вредная девчонка явно одобряла поведение своего несносного брата. И восхищалась им.

Гаитэ и Сезар встали лицом друг к другу, соединив ладони. Он держался так близко, что тепло его тела невозможно было не ощущать.

«Какое-то наваждение», – с тоской подумала Гаитэ. – Несколькими часами ранее Торн держал меня в объятиях почти так же, и мне это, кажется, нравилось? Танцевать с Сезаром мне тоже нравится. Может, я просто распушенная женщина?».

Сезар поднёс руку к бедру и танец начался.

В чёрных глазах, обращённых к ней, Гаитэ видела отражение мерцающих свечей.

– Сестра рассказала о том, что сегодня вы встречались с Торном. Сами ходили в его спальню. Это правда?

– Какой смысл вашей сестре лгать?

Он так крепко обвил рукой её талию, что китовые пластины корсажа впились Гаитэ в рёбра. Их лица разделяло всего каких-то жалких несколько дюймов.

– Зачем вы пошли к нему?

– Я должна перед вами отчитываться?

Сезар вёл в танце, при чём делал это в довольно жёсткой, даже агрессивной, манере. Также же он танцевал и на подмостках.

– Почему вы не смотрите мне в лицо, когда разговариваете со мной? Вам неприятен мой вид?

– Ещё не решила.

Следуя рисунку танца Гаитэ выдернула пальцы из его руки, резко отворачиваясь и переходя к другому партнёру.

Но передышка была временной, скоро все вернулись к исходной позиции.

– Вы знаете, что в этом зале, где собралось столько прославленных красавиц, нет женщины желанней вас?

Голос у Сезара был бархатным, как дорогой чехол для ножен. Гаитэ подозревала, что в нём запрятан стальной кинжал. Скорее всего, отравленный.

– До сих пор мне не приходило в голову ни с кем соперничать, – пожала она плечами.

– Жаль. Уверю вас, это одно из лучших удовольствий в жизни.

– Только при условии, что побеждаешь именно ты.

Его улыбка сделалась шире.

– Ведя жизнь скромной отшельницы в затерянных среди гор руинах, могла ли ты подумать, что мужчины станут драться за твою улыбку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.